

НЕГРАМОТНАЯ,

КОТОРАЯ Юнас Юнассон

СПАСЛА КОРОЛЯ

И КОРОЛЕВСТВО

В ПРИДАЧУ

ПРОДАНО БОЛЕЕ
3 МИЛЛИОНОВ
ЭКЗЕМПЛЯРОВ
ПО ВСЕМУ МИРУ,
ПРАВА КУПЛЕННЫ
В 28 СТРАНАХ

CoRpus

Юнас Юнассон
Неграмотная, которая
спасла короля и
королевство в придачу

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65191166

*Юнас Юнассон Неграмотная, которая спасла короля и королевство в
придачу:*

ISBN 978-5-17-121090-8

Аннотация

Она начала работать в пять лет и осиротела в десять. Номбеко Майеки вскоре закончила бы свои безрадостные дни в жестяной хижине южноафриканского Соуэто, не угоди она в пятнадцать под колеса машины пьяного расиста, а главное – не будь она тем, кем была – гением математики, да и не только, даром что слыла неграмотной.

Благодаря уму и счастливому случаю Номбеко выбирается сначала из трущобы, потом с суперсекретной военной базы Пелиндаба, мало отличимой от тюрьмы, и, наконец, – из ЮАР времен расцвета апартеида. Она попадает в Швецию, где мечтает приобщиться к богатствам Национальной библиотеки, но вместо этого вынуждена прятаться и заматывать следы, потому что становится невольной хранительницей смертоносного оружия,

способного уничтожить десятки и сотни тысяч жизней. Ее ищут агенты могущественной иностранной спецслужбы, которой она нечаянно перешла дорогу, и подстерегают бесконечные опасности со стороны новых знакомых, не обладающих и малой долей ее талантов, зато преисполненных кипучей энергией.

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	43
Глава 3	58
Глава 4	91
Часть вторая	104
Глава 5	105
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Юнас Юнассон
Неграмотная, которая
спасла короля и
королевство в придачу

Published by arrangement with Partners in Stories Stockholm,
Sweden

and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© by Jonas Jonasson 2013. First published by Piratförlaget,
Sweden

© Е. Чевкина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

Вероятность того, что неграмотная девочка, рожденная в Соуэто начала 1960-х, вырастет и однажды окажется заперта в кузове картофелевоза вместе с королем и премьер-министром Швеции, составляет один к сорока пяти миллиар-

дам семистам шестидесяти шести миллионам двумстам двенадцати тысячам восьмистам десяти.

Согласно расчетам упомянутой неграмотной.

Часть первая

*Отличие гениальности от глупости в том, что
у первой есть границы.
Альберт Эйнштейн*

Глава 1

О девочке из трущобы и о мужчине, который вывел ее оттуда, когда умер

В каком-то смысле им выпал счастливый жребий – золотари крупнейшей из трущоб ЮАР имели и работу, и крышу над головой.

Зато статистического будущего не имели. Большинство из них ожидал скорый уход из жизни – от туберкулеза, пневмонии, кишечных инфекций, таблеток, алкоголя или различных комбинаций вышеназванного. Редким представителям этого сословия удавалось дожить до пятидесяти. Как удалось, например, заведующему одной из ассенизационных контор в Соуэто. Да и тот был уже сильно потрепанным и не особо здоровым индивидом: слишком давно он начал запивать слишком много обезболивающих таблеток слишком большим количеством пива в слишком ранние часы. Вследствие чего однажды позволил себе ответить сквозь зубы инспектору, присланному из Йоханнесбургского муниципального департамента санитарии. *Кафр* возомнил о себе! Об инциденте было немедленно доложено по инстанции вплоть до начальника департамента, и на другой день на утреннем кофе-брейке тот сообщил сотрудникам, что *неграмотного* в секторе «Б» пора менять.

На очень приятном, кстати говоря, кофе-брейке: в то утро к кофе подали торт – в честь прибытия нового секретаря муниципальной службы. Для двадцатитрехлетнего Пита дю Тойта эта должность стала первой после окончания университета.

Ему-то и предстояло разруливать ситуацию в Соуэто – так уж повелось в муниципалитете Йоханнесбурга. Каждого новенького отправляли к *неграмотным* – для профессиональной закалки. Все ли ассенизаторы Соуэто были неграмотны, достоверно никто не знал, однако называли их так. В школу, по крайней мере, никто из них не ходил. Жили они в хижинах. И с великим трудом понимали, что им говорят.

Пит дю Тойт переживал. Это был его первый визит к дикарям. На всякий случай отец – торговец предметами искусства – дал ему с собой телохранителя.

Войдя в ассенизационную контору, двадцатитрехлетний молодой человек не смог сдержать неудовольствия по поводу запаха. По другую сторону стола сидел заведующий, которому вскоре предстояло перестать заведовать. А стоящая рядом с ним девчонка, к изумлению нового секретаря, открыла рот и заметила, что говну вообще-то присуще такое неприятное свойство – вонять.

Пит дю Тойт даже подумал, уж не издевается ли она, но

нет, это было невозможно.

Так что реплику он пропустил мимо ушей. И лишь уведомил заведующего, что его, заведующего, дальнейшее пребывание на этом посту исключено, поскольку так решили наверху, зато он, заведующий, может рассчитывать на три месячных оклада, если до конца недели сумеет подобрать столько же кандидатов на освободившееся место.

– А вы разрешите мне снова пойти простым черпальщиком, чтобы хоть немного зарабатывать? – спросил уволенный заведующий.

– Нет, – сказал Пит дю Тойт. – Не разрешу.

Секретарь дю Тойт и его телохранитель вернулись спустя неделю.

Уволенный заведующий сидел за своим столом – надо полагать, в последний раз. Рядом стояла та же самая девчонка.

– А где три кандидата? – спросил секретарь.

Уволенный извинился, что двое присутствовать не смогут. Одному накануне вечером перерезали горло в уличной драке. Куда подевался другой, бывший заведующий не знал. Но допускал очередной рецидив.

Чего именно, Питу дю Тойту знать совершенно не хотелось. Зато страшно захотелось уехать, причем как можно скорее.

– А третий кто? – спросил он сердито.

– А вот же, девчонка, что со мной. Она мне уже пару лет помогает. Большая умница, надо вам сказать.

– Какого черта, не могу же я поставить девчонку двенадцати лет заведовать ассенизацией?

– Четырнадцать, – поправила девчонка. – Из них девять я работаю по специальности.

В кабинет сочилось зловоние. Пит дю Тойт испугался, как бы оно не въелось в его костюм.

– Наркоманка? – поинтересовался он.

– Нет, – ответила девчонка.

– Беременна?

– Нет, – ответила девчонка.

На несколько секунд секретарь умолк. Лишний раз навешиваться сюда ему совершенно не хотелось.

– Имя? – спросил он.

– Номбеко, – сказала девчонка.

– Номбеко, а дальше?

– Вроде бы Майеки.

Боже, *эти* сами не знают, как их зовут!

– Тогда, думаю, ты годишься на это место, если сможешь не бухать, – сказал секретарь.

– Смогу, – сказала девчонка.

– Ладно. – И секретарь повернулся к уволенному. – Мы договорились – три месячных оклада за трех кандидатов. Получается, один кандидат – один оклад. Минус оклад за то, что не нашел никого старше двенадцати лет.

– Четырнадцать, – сказала девчонка.

Пит дю Тойт удалился не попрощавшись. Вместе с тело-

хранителем, почтительно державшимся на два шага позади.

Девочка, вдруг ставшая начальницей своего начальника, поблагодарила его за помощь и сообщила, что теперь он назначен ее правой рукой.

– А как же Пит дю Тойт? – спросил бывший начальник.

– А мы тебе имя поменяем! Секретарь ни за что не отличит одного *негра* от другого.

Так сказала девочка четырнадцати лет, выглядевшая на целых двенадцать.

Новоиспеченной заведующей ассенизацией сектора «Б» Соуэто ходить в школу так и не привелось. Не только потому, что у ее матери были другие приоритеты, но и в силу того, что при всем богатстве выбора девочка умудрилась родиться в ЮАР, да еще в начале шестидесятых, когда детей вроде Номбеко политическое руководство страны не видело в упор. Тогдашний премьер прославился риторическим вопросом – зачем черным школы, если они способны только таскать дрова да воду.

В данном случае он ошибался: Номбеко таскала не дрова и не воду, а бадьи с экскрементами. Тем не менее оснований полагать, что, повзрослев, девочка будет запросто общаться с королями и президентами, не было никаких. И что она на-

гонит страху на целые страны. И даже повлияет на судьбы мира.

Не будь она такой, какой была.

Но она была именно такой.

В частности, работающей. Уже в пять лет она таскала ба-
дью размером с себя. И получала за их опорожнение почти
столько, сколько требовалось маме, чтобы каждый день по-
сылать дочку за бутылкой растворителя. Мама брала бутылку
со словами «спасибо, детка», выкручивала пробку и при-
нималась глушить нескончаемую боль от того, что ни у нее,
ни у ее ребенка нет будущего. Что до отца Номбеко, то он
исчез с горизонта дочери спустя двадцать минут после ее за-
чатия.

Номбеко росла, и за день ей удавалось опорожнять все
больше бадей, так что денег хватало уже не только на раство-
ритель. Поэтому мама стала добавлять к нему таблетки и ал-
коголь. Но девочка сообразила, что долго так продолжаться
не может, и предложила маме выбирать: или она завязывает
с этим делом, или ей кранты.

Мать кивнула: она поняла.

Народу на похороны пришло немало. В ту пору большин-
ство населения Соуэто занималось в основном двумя веща-
ми: медленно убивало себя и ходило прощаться с теми, кому
это уже удалось. Мамы не стало, когда Номбеко было десять
лет, а папы, как сказано выше, она и вовсе сроду не видала.

Девочка прикинула, не продолжить ли дело матери в смысле создания постоянной химической защиты от реальности. Но, получив первую после маминой смерти зарплату, решила все-таки купить себе еды. Утолив голод, она огляделась и сказала себе: «Что я тут забыла?»

Но тотчас поняла, что выбора у нее особо нет. На южноафриканском рынке труда десятилетние неграмотные девочки были востребованы не то чтобы в первую очередь. И не то чтобы во вторую. А в этой части Соуэто рынок труда отсутствовал и вовсе, зато в избытке присутствовали безработные.

Однако опорожнять кишечник свойственно даже беднейшим представителям рода человеческого, так что способ заработать у Номбеко оставался. А поскольку маму уже похоронили, то заработок она могла оставлять себе.

Чтобы скоротать время за тасканием бадей, Номбеко еще с пяти лет приноровилась их считать:

– Одна, две, три, четыре, пять...

Став старше, она усложнила себе задачу, чтобы было интереснее:

– Пятнадцать бадей умножить на три ходки, умножить на семь человек плюс одного, который ничего не делает, потому что пьян... это будет... Триста пятнадцать.

Мама Номбеко не особенно интересовалась окружающим миром, за исключением бутылки с растворителем, однако

все-таки заметила, что дочь умеет как складывать, так и вычитать. И в последние свои годы призывала ее на помощь всякий раз, когда предстояло разделить между соседями очередную поступившую партию таблеток разного цвета и эффективности. Все же бутылка растворителя – это всего лишь бутылка растворителя. А чтобы разделить таблетки по пятьдесят, сто, двести пятьдесят и пятьсот миллиграммов в соответствии с пожеланиями и финансовыми возможностями заказчика, требовалось владение всеми арифметическими действиями. И десятилетняя Номбеко ими владела. Да еще как.

Однажды, например, она оказалась рядом со своим непосредственным начальником в тот момент, когда он пытался составить ежемесячный отчет по количеству и тоннажу.

– Девяносто пять умножить на девяносто два, – бормотал начальник. – Где арифмометр?

– Восемь тысяч семьсот сорок, – сказала Номбеко.

– Детка, помоги лучше арифмометр найти.

– Восемь тысяч семьсот сорок, – повторила Номбеко.

– Что ты такое говоришь?

– Девяносто пять умножить на девяносто два будет восемь тысяч семь...

– Откуда ты знаешь?

– Ну как? Девяносто пять – это без пяти сто, девяносто два – сто без восьми, сложим, вычтем из ста, будет восемьдесят семь. А пять на восемь будет сорок. Восемьдесят семь сорок.

Восемь тысяч семьсот сорок.

– А как ты догадалась? – спросил изумленный начальник.

– Не знаю, – честно ответила Номбеко. – Может, вернемся к работе?

В тот день ее повысили в должности до помощницы заведующего.

Но неграмотная девочка, хоть и умела считать, но все больше досадовала, что не в состоянии прочесть распоряжений йоханнесбургского руководства, которые ложились на стол ее начальника. Тот и сам не особенно дружил с буквами. Он с трудом продирался сквозь каждый текст, параллельно листая африкаанс-английский словарь, чтобы перевести совсем уж неудобочитаемые слова на худо-бедно понятный язык.

– Что им надо на этот раз? – спрашивала Номбеко.

– Вроде бы требуют, чтобы мы тщательнее заполняли мешки, – отвечал заведующий. – Так мне кажется. Или хотят закрыть какую-то очистную станцию. Не поймешь, – вздыхал заведующий.

Заместительница ничем не могла ему помочь и поэтому тоже только вздыхала.

На счастье, как-то в душевой при раздевалке ассенизаторов к тринадцатилетней Номбеко пристал мерзкий старикашка. Впрочем, он тотчас передумал, не успев ни до чего добраться, поскольку девочка воткнула ему в ляжку ножни-

цы.

На другой день она отыскала старикашку по ту сторону ряда отхожих будок в секторе «Б». Тот сидел в складном кресле перед своей зеленой хужиной. Ляжка у него была забинтована, а на коленях лежали... книги?

– Ну, чего тебе? – спросил старикашка.

– Дяденька, я, кажется, забыла свои ножницы у тебя в ляжке и вот пришла их забрать.

– Я их выбросил, – сказал старикашка.

– В таком случае ты задолжал мне ножницы, – сказала девочка. – А где ты научился читать?

Мерзкого старикашку звали Табо, и половина зубов у него отсутствовала. Ляжка отчаянно болела, и он не испытывал ни малейшего желания беседовать с рассерженной девчонкой. С другой стороны, впервые за все время его пребывания в Соуэто хоть кто-то заинтересовался его книгами. Они заполнили всю его зеленую хибару, за что соседи прозвали старикашку «Полоумным Табо». Но девчонка спросила о них скорее с завистью, чем с насмешкой. А ну как ему за это кое-что обломится?

– Будь ты поговорчивей и не кидайся на людей с ножницами, дядюшка Табо, глядишь, и подумал бы насчет того, чтобы тебе за это кое-что рассказать. Он мог бы даже научить тебя разбирать буквы и слова. Но это если ты будешь поговорчивей.

Однако проявлять большую сговорчивость, чем накануне в душе, Номбеко не собиралась. К счастью, ответила она, у нее остались еще одни ножницы, их она приберегает для другой ляжки дядюшки Табо. Но если дядюшка Табо попридержит руки и научит ее читать, то о целости другой своей ляжки он может не беспокоиться.

Табо не понял – девчонка что, угрожает?

Хоть в глаза это и не бросалось, но Табо был человек состоятельный.

Родился он под брезентом в порту города Порт-Элизабет, что в Восточной Капской провинции. Когда ему было шесть лет, полицейский забрал его маму, да так и не выпустил. А папа решил, что мальчик уже достаточно большой, чтобы о себе позаботиться, – даром что с заботой о себе у него как раз имелись проблемы.

– Осторожнее там, – кратко напутствовал он сына, хлопнул его по плечу, а сам отправился в Дурбан, где был застрелен в ходе не до конца продуманного налета на банк.

Шестилетний мальчик жил тем, что удавалось стащить в порту, и предстояло ему в лучшем случае вырасти, попасться и угодить либо за решетку, как матери, либо под пулю, как отцу.

Однако в той же трущобе уже много лет обитал испанский

моряк, он же корабельный кок и поэт, некогда выброшенный за борт дюжиной голодных матросов, которые рассчитывали на обед, а не на сонеты.

Испанец доплыл до берега, нашел себе хижину, заполз туда и зажил с того дня исключительно стихами – чужими и собственными. С годами зрение у него стало садиться, и моряк поспешил найти себе мальчишку, которого силой выучил книжной премудрости в обмен на хлеб. Потом мальчишке за дополнительную порцию хлеба пришлось читать старику вслух: тот полностью ослеп и наполовину спятил, так что на завтрак, обед и ужин питался исключительно Пабло Нерудой. Матросы оказались правы: на одной поэзии долго не протянешь. Старик вскоре умер с голоду, и Табо унаследовал все его книги. Все равно никому они были не нужны.

Грамотность позволяла мальчишке перебиваться в порту случайными заработками. А по вечерам он читал стихи и прозу – особенно книги о путешествиях. В шестнадцать лет парень открыл для себя противоположный пол, который двумя годами позже, в свою очередь, открыл его для себя. Именно в восемнадцать лет Табо изобрел безотказную формулу. Она состояла на треть из неотразимой улыбки, на треть – из выдуманных историй о путешествиях по континенту, предпринятых пока что исключительно в воображении, и на треть – из прямого вранья о вечной любви.

Но настоящего успеха Табо добился, когда стал добавлять к улыбке, историям и вранью капельку поэзии. В унаследо-

ванной библиотеке он нашел сделанный испанским моряком перевод «Двадцати стихотворений о любви и одной песни отчаяния» Пабло Неруды. Песню отчаяния Табо из тетрадки выдрал, а двадцать стихотворений о любви употребил применительно к двадцати разным девушкам портового квартала, причем девятнадцать раз добивался непродолжительной взаимности. Да и в двадцатый раз все бы получилось, не добавь придурок Неруда в конце одного из стихов строчку «Я разлюбил, уверен...», которую Табо обнаружил, когда было уже поздно.

Два года спустя большинство обитателей квартала наизусть выучило все приемы Табо, и его шансы на получение дальнейших литературных наград сильно упали. Не помогло и то, что о своих подвигах он врал больше, чем в свое время король Леопольд II о благополучии туземцев в Бельгийском Конго, которым в свое время лично распорядился отрубать руки и ноги за отказ работать бесплатно.

Разумеется, однажды Табо настигло возмездие (как и короля бельгийцев, – тот сперва лишился колонии, потом всех денег, посаженных на франко-румынскую фаворитку, а затем и жизни). Но прежде он покинул Порт-Элизабет, отправился напрямик на север и оказался в Басутоленде, где, если верить молве, обитают женщины с самыми завлекательными формами на свете.

Он нашел основания задержаться там на несколько лет, меняя деревни, когда того требовали обстоятельства, всегда

имел работу благодаря умению писать и читать и в конце концов стал главным переговорщиком с европейскими миссионерами, искавшими доступ к непросвещенному населению страны.

Верховный вождь территории Басутоленд, его превосходительство Сиисо, в обращении своего народа в христианство особого смысла не видел, но полагал, что было бы неплохо избавиться от местных буров. Поэтому, когда миссионеры по наводке Табо предложили Сиисо автоматы в обмен на право раздавать библии, тот сразу клюнул.

В страну хлынули пасторы и адьюнкты, дабы отвратить народ Басуто от скверны. С собой они привезли библии, автоматы и пару-тройку противопехотных мин.

Автоматы позволяли держать врагов в рамках, а библии отлично горели в очагах холодных горных хижин, обитатели которых и читать-то не умели. Узнав об этом, миссионеры поменяли стратегию и за короткий срок возвели целый ряд всевозможных христианских святыниц.

Табо подрабатывал при пасторах алтарником и даже изобрел собственную технику наложения рук, каковую практиковал крайне избирательно и в глубоком секрете.

Неудачу на любовном фронте он потерпел только раз – когда жителям одного из горных селений стало известно, что единственный мужчина, певший в церковном хоре, поклялся в вечной любви не менее пяти из девяти юных хористок. О планах своего регента пастор-англичанин давно догадывал-

ся, поскольку петь его певчий не умел от слова «совсем».

Пастор вошел в контакт с родителями всех пяти девушек, и пятеро отцов постановили провести допрос подозреваемого в соответствии с местным обычаем. То есть воткнув в Табо копья с пяти сторон в ночь полнолуния, предварительно посадив задержанного голым задом на муравейник.

В ожидании положенной фазы луны Табо заперли в хижине, за которой неусыпно надзирал сам пастор, пока не получил солнечный удар и не отправился к реке проповедовать бегемоту. Осторожно возложив руки животному на нос, он сообщил, что Иисус открыт для...

Договорить он не успел: бегемот разинул пасть и перекусил пастора пополам.

После пропажи пастора и тюремщика в одном лице Табо при поддержке Пабло Неруды уговорил надзиравшую за ним женщину отпереть хижину и выпустить его на свободу.

– А как же я? – вскричала надзирательница вдогонку Табо, припустившему во все лопатки по саванне.

– Я разлюбил, уверен! – крикнул Табо в ответ.

Если не знать всего дальнейшего, можно было бы подумать, что Табо пребывает под прямой защитой Господа: на протяжении всей двадцатикилометровой ночной пробежки до столичного города Масеру ему не встретился ни лев, ни гепард, ни носорог и никто другой из той же оперы. По прибытии он предложил вождю Сиисо услуги советника. Тот его

вспомнил и услуги принял. Вождь как раз вел переговоры о независимости с надменными британцами – без особого успеха, пока подключившийся к ним Табо не заявил, что если господа британцы намерены упираться и дальше, то Басутоленд может обратиться за помощью к Жозефу Мобуту в Конго.

Британцы остолбенели. К Жозефу Мобуту? Человеку, только что сообщившему миру о намерении сменить нынешнее имя на Всесильный Воин, Который Благодаря Своей Выносливости И Непреклонности Будет Идти От Победы К Победе, Оставляя Позади Только Пламя?

– К нему к самому, – подтвердил Табо. – Моему старинному приятелю, кстати сказать. Для краткости я называю его просто «Джо».

Британская делегация потребовала закрытых консультаций, по результатам которых пришла к выводу, что региону нужнее мир и покой, нежели правитель, возомнивший себя всесильным воином. И вернулась за стол переговоров со словами:

– Раз так, забирайте эту страну.

Территория Басутоленд превратилась в Лесото, вождь Си-исо стал королем Мошвешве II, а Табо – абсолютным королевским фаворитом. Король относился к нему как к родному и подарил мешочек необработанных алмазов с главного рудника страны ценой в целое состояние.

Но однажды Табо сбежал. С непреодолимой форой в двадцать четыре часа, спустя которые королю стало известно, что Масеисо, его младшая сестренка и свет его очей, забеременела.

Чернокожему, грязному и наполовину беззубому влиться в мир белых Южно-Африканской Республики 1960-х было невозможно ни под каким видом. Поэтому после скандального происшествия в бывшем Басутоленде Табо продал самый невзрачный из алмазов местному ювелиру и тотчас поспешил в Соуэто.

Найдя в секторе «Б» свободную хижину, он поселился в ней, набил ботинки купюрами, а половину алмазов зарыл в глинобитном полу. Другая половина заполнила зияющие в его деснах полости.

Прежде чем снова приняться за бесчисленные посулы бесчисленным женщинам, он выкрасил свою хижину в нарядный зеленый цвет, который так нравится дамам. И застелил земляной пол линолеумом.

Дам он обольщал во всех секторах Соуэто, хотя со временем решил воздерживаться от этого в собственном, дабы его не дергали лишний раз, когда в перерывах между похождениями он сядет почитать перед своей лачугой.

Помимо чтения и обольщения, Табо занимался тем, что путешествовал. По всем уголкам Африки, дважды в год. Из путешествий он привозил опыт и новые книги.

Несмотря на обретенную финансовую независимость, он неизменно возвращался в свою хижину. Не в последнюю очередь потому, что половина его имущества по-прежнему лежала на тридцатисантиметровой глубине под линолеумом: в силу приличного состояния нижних зубов места во рту на все богатство не хватало.

Прошло несколько лет, и по трещинам Соуэто поползли кривотолки. Откуда этот полоумный с книжками берет деньги?

Не дожидаясь, пока слухи разрастутся, Табо решил найти себе работу. Проще всего оказалось наняться ассенизатором на несколько часов в неделю.

Его коллегами были в основном молодые пьющие мужчины без будущего. Но имелись и дети. В их числе тринадцатилетняя девочка, всадившая Табо ножницы в бедро всего лишь за то, что он нечаянно открыл не ту душевую кабинку. Или на самом деле ту. Просто девчонка в ней оказалась не та. Слишком молодая. Без всяких форм. Годная для таких, как Табо, только на самый крайний случай.

От удара ножницами бедро болело. А девчонка стояла перед его хижинкой и требовала, чтобы он научил ее читать.

– Я бы помог тебе с большой охотой, но завтра я уезжаю, – сказал Табо и подумал, что и впрямь лучше так и поступить.

– Уезжаешь? – удивилась Номбеко, за все свои тринадцать лет жизни ни разу не покидавшая Соуэто. – А куда?

– На север, – сказал Табо. – А там поглядим.

Пока Табо был в отъезде, Номбеко не только стала на год старше, но и пошла на повышение. А вскоре и проявила себя на новом посту. Благодаря остроумной системе разделения подотчетного сектора на округа по демографическому признаку, а не по размеру или репутации, эффективность размещения отхожих мест значительно повысилась.

– На тридцать процентов, – похвалил ее предшественник.

– На тридцать и две десятые, – уточнила Номбеко.

Предложение рождало спрос, и наоборот, так что в бюджете появились средства на четыре новых прачечно-помывочных пункта.

Лексический запас четырнадцатилетней девочки поражал, особенно на фоне повседневной речи окружавших ее мужчин (каждый, кто когда-либо беседовал с золотарем из Соуэто, знает, что половина его словаря невоспроизводима печатно, а другая половина – даже мысленно). Способность складывать слова в предложения была у нее отчасти врожденной. Вдобавок в углу ассенизационной конторы стоял радиоприемник, который Номбеко привыкла включать всякий раз, когда проходила мимо. И всегда ловила разговорные станции и с интересом слушала не только то, что говорилось, но и как.

Благодаря еженедельному радиожурналу «Африканское обозрение» девочка узнавала о мире за пределами Соуэто. Не то чтобы он был лучше или перспективнее. Но он был за пределами Соуэто.

Вот, скажем, только что обрела независимость Ангола. Партия независимости ПЛУА объединилась с партией независимости КПА, образовав партию независимости МПЛА, которая вместе с партиями независимости ФНЛА и УНИТА добилась того, что португальское правительство горько пожалело об открытии этой части Африканского континента. Притом что за четыреста лет своего правления не дало себе труда основать в ней ни одного университета.

Неграмотная Номбеко не вполне уловила, какая из аббревиатур чего конкретно добилась, но как бы то ни было, результатом стали *перемены* – слово, которое, наряду со словом «еда», представлялось девочке самым прекрасным на свете.

Как-то она даже предположила при сотрудниках, что эти перемены могут коснуться их всех. Но те наябедничали, что их начальница на работе рассуждает о политике. Мало того что дерьмо таскаешь с утра до вечера, так еще и вот это вот всё слушать?

Как заведующей очисткой отхожих мест Номбеко приходилось иметь дело не только с непрошибаемыми подчиненными, но и с секретарем Йоханнесбургского муниципально-го департамента санитарии Питом дю Тойтом. В ходе своего

первого после ее назначения визита он сообщил, что взамен запланированных четырех помывочных пунктов останется только один – в связи с бюджетными трудностями. Номбеко взяла реванш на своем поле:

– Кстати, а какие прогнозы у господина секретаря насчет развития ситуации в Танзании? Социалистический эксперимент Джулиуса Ньерере провалится?

– В Танзании?

– Да, ведь дефицит зерна в стране на сегодня приближается к миллиону тонн. Что бы делал Ньерере, если бы не Международный валютный фонд? Или, на взгляд господина секретаря, МВФ и сам по себе проблема?

Так сказала девочка, которая никогда не училась в школе и ни разу не покидала Соуэто. Своему начальнику. Отучившемуся в университете. Но понятия не имевшему о политической ситуации в Танзании. Белый от рождения, секретарь после этих ее слов побелел еще больше.

Неграмотная четырнадцатилетняя девчонка унизила Питадю Тойта. Да еще и раскритиковала его смету по санитарному финансированию.

– Как, кстати, господин секретарь получил вот эту цифру? – спросила Номбеко, научившаяся счету самостоятельно. – Почему он перемножил расчетные показатели?

Неграмотная, а считать умеет.

Как он ее ненавидел.

Как он ненавидел их всех.

Через несколько месяцев вернулся Табо. И тотчас обнаружил, что девчонка с ножницами стала его начальницей. И что она больше не девчонка: у нее наметились формы.

В душе полубеззубого мужчины вспыхнула внутренняя борьба. Инстинкт призывал его довериться своей, уже местами зияющей дырами улыбке, таланту рассказчика и Пабло Неруде. Но на другой чаше весов лежал девчонкин начальственный статус. И ее ножницы.

Табо решил соблюсти осторожность, но позицию обозначить.

– Самое время начать учить тебя читать, – сказал он.

– Замечательно! – обрадовалась Номбеко. – Давай приступим прямо сегодня после работы. Мы явимся к тебе домой – я и мои ножницы.

Табо оказался неплохим учителем. А Номбеко – прилежной ученицей. Уже на третий день она выводила палочкой по глине перед хижиной Табо все буквы. На пятый – писала слова и целые предложения. Поначалу сплошь с ошибками. Спустя два месяца – почти без.

В перерывах между уроками Табо рассказывал ей о своих приключениях в разных странах. Номбеко сразу поняла: ей скармливают смесь выдумки и правды в пропорции как

минимум два к одному, но ее это устраивало. Безрадостной правды и так хватало с лихвой, и добавки не требовалось.

В последний раз Табо побывал в Эфиопии с целью низложить Его королевское величество, Льва Иуды, Избранника Божия, короля королей.

– Хайле Селассие, – сказала Номбеко.

Табо не ответил; он предпочитал говорить, а не слушать.

История императора, которого изначально звали Рас Тэфэри, что после превратилось в «растафари» и породило целую религию, не в последнюю очередь в Вест-Индии, была настолько вкусной, что Табо приберегал ее для решающей атаки.

Впрочем, теперь отца-основателя согнали с престола, а его ошарашенные апостолы по всему миру сидели, курили и только диву давались, как такое могло случиться: предреченного Мессию, воплощение Бога, вдруг взяли и свергли. Как это вообще – свергнуть Бога?

Номбеко не стала спрашивать о политической подоплеке этой драмы, полагая, что Табо не имеет о ней ни малейшего понятия, а лишние вопросы только испортят удовольствие.

– А дальше? – подбодрила она рассказчика.

Табо решил, что дело на мази (это просто поразительно, как легко люди принимают желаемое за действительное). Приблизившись к девушке на шаг, он сообщил, что на обратном пути дал крюка до Киншасы, чтобы помочь Мухаммеду Али во время «Грохота в джунглях» – его поединка с

другим боксером-тяжеловесом, Джорджем Форманом.

– Невероятно, – сказала Номбеко, потому что сюжет и правда выглядел именно так.

Табо улыбнулся так широко, что в промежутках между оставшимися зубами кое-что сверкнуло.

– На самом деле подмога-то нужна была Непобедимому Форману, но я почувствовал, что... – начал Табо и закончил, только когда Форман оказался отправлен в нокаут в восьмом раунде и Али поблагодарил своего верного друга за неоценимую помощь. – Жена у Али, кстати, оказалась прямо конфетка.

– Жена Али? – переспросила Номбеко. – Ты хочешь сказать, что...

Табо расхохотался так, что во рту у него загремело, после чего посерьезнел и подошел еще ближе.

– Номбеко, ты такая красивая, – сказал он. – Гораздо красивее, чем жена Али. Отчего бы нам с тобой не быть вместе? Взять и отправиться куда-нибудь вдвоем?

И он обнял ее за плечи.

Номбеко решила, что «отправиться куда-нибудь» – это чудесно. Причем практически куда угодно. Только без старикашки. Урок на сегодня, похоже, подошел к концу. Номбеко воткнула ножницы в другую старикашкину ляжку и удалилась.

На другой день она снова подошла к хижине Табо и за-

явила, что тот не явился на работу, не предупредив об этом заранее.

Табо ответил, что у него болят обе ляжки, особенно одна, и что госпожа Номбеко в курсе, по какой причине.

Госпожа была в курсе, однако он еще легко отделался, потому что в другой раз, если дядюшка Табо не уймется, она всадит ему ножницы не в левую ляжку и не в правую, а примерно посередке.

– К тому же вчера я видела и слышала, что ты держишь в своей поганой пасти. Так что берегись, не то об этом узнает каждый встречный и поперечный.

Табо тотчас опомнился. Он слишком хорошо понимал, что не проживет и лишней минуты после того, как информация о его алмазных месторождениях станет достоянием гласности.

– Чего ты от меня хочешь? – жалобно спросил он.

– Хочу ходить сюда и разбирать по складам твои книжки. И не брать с собой ножницы. Ножницы – вещь дорогая. Во всяком случае для тех, у кого во рту зубы, а не что еще.

– А ты не можешь просто уйти отсюда? – предложил Табо. – Оставь меня в покое, и получишь алмаз.

Прежде взятки помогали ему выкрутиться – но не на этот раз. Номбеко сказала, что не собирается вымогать у него алмазы. Что ей не принадлежит, то не принадлежит.

Много позже и в другой части света она поймет: мир устроен несколько сложнее.

По иронии судьбы жизнь Табо оборвали две женщины. Обе выросли в Португальской Восточной Африке и кормились тем, что убивали белых фермеров и забирали их деньги. Бизнес шел бойко всю гражданскую войну.

Но как только страна получила независимость и стала называться Мозамбиком, всех оставшихся там белых фермеров попросили покинуть страну в сорок восемь часов. Женщинам ничего не оставалось, кроме как переключиться на зажиточных черных. Что оказалось не лучшей бизнес-стратегией: почти все чернокожие, у которых было что украсть, состояли теперь в правящей марксистско-ленинской партии. Так что спустя недолгое время государство объявило обеих в розыск и пустило по их следу напуганную новой властью полицию.

Потому-то обе и отправились на юг. Они шли и шли, пока не обнаружили превосходное убежище – Соуэто, пригород Йоханнесбурга.

Если преимуществом самой крупной южноафриканской трущобы была возможность затеряться в толпе (если, конечно, ты черный), то к числу недостатков относилось то, что имущества у одного белого фермера в Португальской Восточной Африке было больше, чем у всех восьмисот тысяч обитателей Соуэто, вместе взятых (не считая Табо). Тем не

менее женщины заглотнули по несколько таблеток разного цвета и отправились на промысел. Вскоре они забрели в сектор «Б» и там, за рядом отхожих мест, заметили зеленую лачугу, выделявшуюся на общем ржаво-серо-коричневом фоне. Тот, кто красит свою хижину в зеленый или любой другой цвет, у того денег больше, чем ему нужно для собственного блага, рассудили они и, вломившись к Табо среди ночи, всадили ему в грудь ножик и повернули его. Сердце мужчины, разбившего столько сердец, само оказалось искромсано на куски.

Едва он умер, женщины в поисках денег принялись перетряхивать одну за другой его громоздившиеся повсюду книги. Какого придурка они укокошили на этот раз?

В конце концов они нашли-таки пачку купюр в одном ботинке жертвы и еще пачку в другом. И опрометчиво уселись делить их на пороге лачуги. Но принятая ими очередная доза таблеток в соединении с половиной стакана рома заставила обеих утратить чувство места и времени. И сидеть с ухмылкой на губах до тех пор, пока внезапно не появилась полиция.

Обе были схвачены и на тридцать лет превратились в расходную статью южноафриканской пенитенциарной системы. Купюры, которые они пытались сосчитать, исчезли уже на начальной стадии полицейского следствия. А тело Табо осталось лежать до следующего дня. У южноафриканских полицейских это было своего рода спортивное состязание – кто

больше оставит сменщикам мертвых негров.

Еще ночью Номбеко разбудил шум по другую сторону отхожих мест. Она оделась, пошла на звук и примерно поняла, что произошло.

Когда полицейские скрылись вместе с убийцами и деньгами Табо, Номбеко зашла в хижину.

– Ты был мерзкий тип, но врал занятно. Мне будет тебя не хватать. Во всяком случае, твоих книг.

С этими словами Номбеко открыла Табо рот и извлекла четырнадцать необработанных алмазов – точно по числу дырок, оставшихся от зубов.

– Четырнадцать дырок – четырнадцать алмазов, – подытожила Номбеко. – Тютелька в тютельку, а?

Табо не ответил. А Номбеко приподняла линолеум и стала копать.

– Так я и думала, – сказала она, обнаружив то, что искала. Потом принесла воду и тряпку, обмыла Табо, вытащила его из хижины и, пожертвовав своей единственной простыней, накрыла тело. Все-таки покойник заслуживал некоторого уважения. Не то чтобы какого-то особенного. Но все же.

Зашив все алмазы в шов своей единственной куртки, Номбеко вернулась к себе в хибару и снова легла.

Наутро заведующая очистной конторой позволила себе поспать чуть подольше. Предстояло много чего осмыслить. Когда она наконец вошла в кабинет, все ассенизаторы бы-

ли уже в сборе. В отсутствие руководства они принимали свое третье утреннее пиво, причем уже после второго интересы работы оказались оттеснены на второй план стремлением и дальше сидеть и обличать индийцев как низшую расу. Самый заносчивый уже принялся рассказывать историю про индуса, который попытался заделать протечку в крыше хижины куском гофрокартона.

Номбеко оторвала их от этого занятия, убрав недопитые бутылки и вслух предположив, что в головах у ее сотрудников примерно то же самое, что у них в бадьях. Неужели они до того глупы, что не понимают: глупость от расы не зависит?

Самый дерзкий ответил, что заведующая, вероятно, сама не понимает, что после первых утренних семидесяти пяти бадей людям хочется спокойно попить пива и не слушать про то, что все люди охренеть какие одинаковые и равноправные.

Номбеко прикинула, не запустить ли ему в лоб рулоном туалетной бумаги, но пожалела рулона. И вместо этого велела вернуться к работе.

Когда она возвратилась в свою хижину, то вновь задалась вопросом:

– Что я тут забыла?

На следующий день ей исполнялось пятнадцать лет.

В день пятидесятилетия у Номбеко состоялась давно за-

планированная встреча с Питом дю Тойтом из Йоханнесбургского муниципального департамента санитарии. На сей раз он подготовился получше. Разобрался с каждой закорючкой в каждой ведомости. Теперь двенадцатилетняя девчонка у него попляшет!

– У сектора «Б» одиннадцатипроцентный перерасход выделенных средств, – сказал Пит дю Тойт и посмотрел на Номбеко сквозь очки для чтения, не то чтобы необходимые, но придававшие солидности.

– У сектора «Б» никакого перерасхода нет, – сказала Номбеко.

– Раз я сказал, что у сектора «Б» одиннадцатипроцентный перерасход выделенных средств, значит, так и есть, – сказал Пит дю Тойт.

– А раз я сказала, что господин секретарь считает, как ему в голову взбредет, значит, так и есть. Дайте-ка на секундочку, – сказала Номбеко, выхватила расчеты Пита дю Тойта у него из рук, проглядела цифры и ткнула пальцем в двадцатую строчку. – Скидку, о которой мы договаривались, я получила в форме дополнительной поставки. Если вы пересчитаете ее по фактической скидочной цене, а не по условной преёскурантной, то никаких одиннадцати процентов вы не увидите. Кроме того, вы перепутали плюс и минус. Если бы мы считали, как господин секретарь, у нас был бы одиннадцатипроцентный *недорасход*. Что тоже, кстати, неверно.

Щеки у Пита дю Тойта побагровели. Девчонка забыла, с

кем разговаривает? Что будет, если кто угодно станет сам решать, что верно, а что нет? Он ненавидел девчонку сильнее, чем когда-либо, но не мог придумать, как ей ответить. Поэтому сказал так:

– Мы говорили о тебе в департаменте.

– Вот как, – сказала Номбеко.

– На наш взгляд, с тобой трудно работать.

Номбеко поняла, что сейчас ее уволят, подобно предшественнику.

– Вот как, – снова сказала она.

– Боюсь, тебя придется перевести на другую должность.

Рядового сотрудника.

Получается, ей предложили даже больше, чем предшественнику! Видимо, решила Номбеко, секретарь муниципальной службы сегодня в настроении.

– Вот как, – сказала она опять.

– А кроме «вот как» тебе что, больше нечего сказать?

– Ну почему, я могла бы, конечно, сказать господину дю Тойту, что он придурок, но он вряд ли сможет осознать данный факт: годы работы с золотарями меня кое-чему научили. Придурков у нас тоже хватает, чтобы вы знали, господин дю Тойт. Так что лучше я сразу отсюда уйду, чтобы больше не видеть господина дю Тойта, – сообщила Номбеко и так и сделала.

Все сказанное было сказано в таком темпе, что Пит дю Тойт среагировал, только когда девчонка выскользнула

прочь. Идти искать ее по трущобам – такое было невозможно себе даже представить. Пускай и дальше прячется там, рассудил он, пока не сдохнет от туберкулеза, наркоты или от рук других неграмотных.

– Тьфу, – сказал Пит дю Тойт и кивнул нанятому отцом телохранителю.

Пора возвращаться в цивилизацию.

Разумеется, после такой беседы с секретарем муниципальной службы накрылась не только руководящая должность Номбеко, но и работа как таковая. Вместе с шансами получить расчет.

Рюкзак с немудрящими пожитками был собран. В нем лежала смена одежды, три книги из собрания Табо и двадцать полосок вяленого антилопьевого мяса, только что купленные на последние монеты.

Книги Номбеко давно прочитала и знала наизусть. Но в них было некое обаяние – в самих по себе. Примерно как в коллегах по очистному делу, только наоборот.

Наступил вечер, стало прохладно. Номбеко натянула единственную куртку. Легла на единственный матрас и укрылась единственным одеялом (единственную простыню пришлось пожертвовать покойному Табо). С утра она отправится в путь.

И вдруг Номбеко поняла, куда именно.

Она вчера прочла в газете. Ей надо в Преторию, на Анд-

рис-стрит, 75.

В Национальную библиотеку.

Библиотека, насколько Номбеко было известно, не входила в число заведений только для белых, и при некоторой удаче у нее был шанс туда попасть. Что еще делать в Претории, кроме как дышать и любоваться видами, Номбеко не знала. Но для начала хватит и этого. Дальше подскажут книги.

С этой уверенностью Номбеко улеглась спать – в последний раз у себя в хижине, пять лет назад полученной в наследство от матери. И улыбнулась, прежде чем заснуть.

Чего с ней прежде не случалось.

А наутро отправилась в дорогу. Путь предстоял неблизкий. Она, впервые в жизни выйдя за пределы Соуэто, собиралась преодолеть девяносто километров.

Спустя шесть часов, или двадцать шесть километров, Номбеко попала в центр Йоханнесбурга. Это оказался другой мир! Взять хоть то, что почти все вокруг были белые и поразительно походили на Пита дю Тойта. Номбеко с интересом смотрела по сторонам. Куда ни глянь – неоновые вывески, светофоры, шум и гам. И сверкающие новенькие автомобили неведомых Номбеко моделей. Когда она повернулась еще на пол-оборота, чтобы приглядеться получше, то увидела, что один из них несется прямо на нее – причем по тротуару.

Номбеко успела отметить, что машина красивая.

Но отскочить в сторону уже не успела.

Вторую половину дня инженер Энгелбрехт ван дер Вестхёйзен провел в баре отеля «Хилтон-Плаза» на Квартц-стрит. А затем уселся в свой «опель-адмирал» и поехал на север.

Но управлять машиной с литром коньяка в организме непросто – и никогда не было просто. Инженер едва добрался до ближайшего перекрестка, когда его вместе с «опелем» вынесло на тротуар, и – дьявольщина! – он что, еще и *кафра* задавил?

Девушка под машиной инженера звалась Номбеко и прежде работала в ассенизационной очистке. Ровно пятнадцать лет и один день назад она появилась на свет в жестяной хижине посреди крупнейшей трущобы Южной Африки. Обреченная чуть-чуть пожить в окружении алкоголя, растворителя и таблеток и умереть в грязи между выгребными ямами сектора «Б» Соуэто.

Номбеко удалось оттуда вырваться – единственной из всех. Она оставила свою лачугу – раз и навсегда.

Но не успела добраться до центра Йоханнесбурга, как оказалась под колесами «опель-адмирала».

«И это всё?» – подумала она, проваливаясь в беспмятство.

Но это было не всё.

Глава 2

О том, как в другой части света все изменилось с точностью до наоборот

Номбеко попала под машину на другой день после своего пятнадцатилетия. Но выжила. Так что все обернулось к лучшему. И к худшему. Но главное – переменялось.

В число людей, которые в дальнейшем свалятся ей на голову, Ингмар Квист из шведского Сёдертэлье, что в девяти тысячах пятистах километрах от Соуэто, не входил. Тем не менее его судьба ударила по судьбе Номбеко со всего своего размаха.

Трудно сказать, когда именно у Ингмара поехала крыша, поскольку начиналось все исподволь. Но к 1947 году стало ясно, что уехать она успела довольно далеко. И что ни он, ни его жена не желают понимать, что случилось.

Ингмар с Хенриеттой поженились, когда чуть ли не на половине земного шара еще бушевала война, и перебрались на маленький лесной хутор километрах в тридцати южнее Стокгольма.

Он был мелким служащим, она – работающей портняхой-надомницей.

Их первая встреча произошла перед залом номер два го-

родского суда Сёдертэлье, где разбирался конфликт между Ингмаром и отцом Хенриетты, начавшийся с того, что первый написал метровыми буквами на здании местного отделения Шведской коммунистической партии «Да здравствует король!». Коммунизм и королевский дом вообще-то не то чтобы ходят в обнимку, поэтому сыр-бор разгорелся уже на рассвете следующего дня, когда надпись обнаружил главный коммунист Сёдертэлье – папа Хенриетты.

Ингмара задержали более чем оперативно, поскольку, совершив свой подвиг, тот улегся спать на скамейку в парке неподалеку от отдела полиции – с кистью и краской в охапке.

В суде-то и проскочила пресловутая искра – между ответчиком Ингмаром и свидетельницей Хенриеттой. Что отчасти объяснимо тягой к запретному плоду, но главное, Ингмар был такой... живой... в отличие от ее отца, который только тем и занимался, что ждал, пока вот это все само собой не рухнет в тартарары: тут-то они с коммунизмом и восторжествуют – по крайней мере в Сёдертэлье. Революционером отец был всегда, но 7 апреля 1937 года его убеждения получили подкрепление в виде обиды и подозрительности: в тот день он подписал заявку на регистрацию радиоприемника, оказавшуюся девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девятой. А на другой день все поздравляли с миллионной заявкой портного из Худиксваля, что в тридцати трех шведских милях от Сёдертэлье. Портному досталась не только слава (его позвали на радио!), но и памя-

ный серебряный кубок ценой в шестьсот крон. А отцу Хенриетты – шиш с маслом и более ничего.

От этого удара он так и не оправился, окончательно утратив способность (и прежде довольно ограниченную) смотреть на вещи с юмором, особенно на такие, как здравица королю Густаву V на стене отделения компартии. Он лично представлял сторону партии в суде и требовал восемнадцати лет тюрьмы для Ингмара Квиста, приговоренного в результате к штрафу в пятьдесят крон.

Невзгоды сыпались на отца Хенриетты одна за другой. Сперва история с заявкой на приемник. Потом – разочарование решением суда. Плюс дочь, упавшая в объятия роялиста. Не говоря о проклятом капитализме, который неизменно выбирался из любой передраги, отделяваясь легким испугом.

Когда Хенриетта решила, что они с Ингмаром *обвенчаются*, глава коммунистов Сёдертэлье окончательно порвал с дочерью, за что мать Хенриетты порвала с ним самим: под самый конец войны нашла себе на вокзале в Сёдертэлье нового мужа в лице немецкого военного атташе и укатила с ним в Берлин. С тех пор от нее не было ни слуху ни духу.

Хенриетта хотела детей – чем больше, тем лучше. Идею Ингмар в целом одобрял, особенно в том, что касается способа производства. Взять хоть тот первый раз, в машине ее отца, на третий день после судебного заседания. Это оказа-

лось что-то с чем-то – правда, вскоре Ингмару прилетела от-
ветка: будущий тесть рыскал за ним по всему Сёдертэлье,
вынудив прятаться в погребе у родной тетки. Потому что не
стоило оставлять в машине использованный презерватив.

Что ж, сделанного не воротишь, да и то сказать: слава бо-
гу, что ему попалась та коробка с американскими солдатски-
ми кондомами: все должно идти строго по плану и без сбоев.

Вот только под планом Ингмар подразумевал вовсе не по-
строение карьеры как фундамента семейного благосостоя-
ния. Служил он в почтовом отделении Сёдертэлье, или на
Королевской почте, как неизменно выражался сам, жалова-
нье имел скромное и без особых перспектив на прибавку.

Хенриетта зарабатывала вдвое больше благодаря искусно-
му владению иглой и ниткой. У нее имелась обширная по-
стоянная клиентура, и семья жила бы припеваючи, если бы
не Ингмар и его растущая способность спускать все, что же-
не удавалось скопить.

Дети – это конечно, но сперва Ингмар должен осуще-
ствить свою миссию, что требовало концентрации всех ре-
сурсов. До ее завершения – никаких параллельных проек-
тов!

Хенриетту формулировки мужа возмущали до глубины
души. Дети – это жизнь и будущее, а никакие не параллель-
ные проекты.

– Раз так, забирай свою коробку с американскими кондо-
мами и можешь спать на кухонном диване, – заявила она.

Ингмар скривился. Он вовсе не имел в виду, что дети – это лишнее, просто... да Хенриетта и сама понимает. Дело в Его королевском величестве. Сперва Ингмар должен закрыть вопрос. А это вряд ли займет много времени.

– Хенриетта, дорогая, ну прошу тебя. Давай и сегодня ляжем вместе, а? И может, потренируемся впрок?

Разумеется, сердце Хенриетты растаяло. Как много раз до этого и после.

Миссия всей жизни Ингмара состояла в том, чтобы пожать руку королю Швеции. Некогда простое желание со временем превратилось в сверхзадачу. Когда именно она перешла в навязчивую идею, мы, как уже отмечено выше, не знаем. Проще рассказать, с чего все началось.

В субботу 16 июня 1928 года Его королевскому величеству Густаву V исполнилось семьдесят лет. Четырнадцатилетний на тот момент Ингмар Квист отправился с родителями в Стокгольм, чтобы впервые в жизни помахать шведским флажком у королевского дворца, а потом погулять по Скансену, где в зоопарке есть даже медведи и волки!

Но план пришлось изменить. Давка перед дворцом оказалась страшная, и семейство встало метрах в ста дальше, на улице, вдоль которой, говорили, король со своей Викторией прокатятся в открытом ландо.

Так и произошло. Действительность превзошла самые смелые ожидания родителей Ингмара. Потому что аккуратно

перед семейством Квист выстроилось десятка два учеников Лундсбергской государственной школы-интерната, чтобы сюрпризом преподнести букет Его величеству в благодарность за поддержку школы, полученную не без содействия кронпринца Густава Адольфа. Было решено, что ландо ненадолго остановится, величество выйдет из кареты, заберет цветы и поблагодарит детей.

Все шло как по нотам, король получил букет, но, уже забираясь обратно в ландо, увидел Ингмара. И замер.

– Ах ты, мордашка, – сказал он, сделал два шага к мальчику и взъерошил ему волосы. – А ну погоди-ка, – добавил он и достал из внутреннего кармана лист почтовых марок, специально отпечатанных к королевскому юбилею.

Он протянул марки юному Ингмару, улыбнулся – «так бы и съел» – и снова потрепал мальчика по волосам, прежде чем взобраться обратно, под разгневанный взор своей королевы.

– Ты хоть спасибо сказал, Ингмар? – спросила его мать, когда пришла в себя от потрясения, что величество потрогло ее сына и даже удостоило подарка.

– Не-а, – заикаясь, ответил Ингмар, стоя с марками в руке. – Не-а, я ничего не сказал. Больно он, это самое... величественный.

Разумеется, марки сделались для Ингмара самым ценным его достоянием. А два года спустя он пошел работать на почту в Сёдертэлье. Для начала на низшую из всех должностей

в финансовом отделе. Чтобы шестнадцать лет спустя не подняться ни ступенькой выше.

Ингмар бесконечно гордился своим монархом, высоким и статным. Король Густав величественно взирал со всех марок, с которыми его подданный ежедневно имел дело по службе. Ингмар, облаченный в униформу королевской почты, хотя в финансовом отделе носить ее не требовалось, отвечал монарху взглядом, исполненным любви и преданности.

Но король всякий раз смотрел мимо Ингмара. Казалось, он не видит своего подданного и не замечает его любви. Ингмара охватило отчаянное желание поймать королевский взгляд. И попросить прощения за то, что так и не сказал спасибо в тот раз, в свои четырнадцать лет. Не заявил о своей вечной преданности.

Отчаянное – да, иначе не скажешь, – отчаянное желание становилось для Ингмара все важнее и важнее. Заглянуть в глаза, заговорить, пожать руку.

Важнее и важнее.

И еще важнее.

Между тем величество старело. Еще немного – и будет поздно. Сидеть и дожидаться, что в один прекрасный день король возьмет и заглянет собственной высокой персоной в почтовое отделение, стало невозможно. Ингмар Квист грезил об этом многие годы, но пришла пора очнуться от грез.

Король вряд ли станет его искать.

Значит, пора самому отправляться на поиски короля.

А уж потом сделать Хенриетте детей – как он ей и обещал.

Жизнь семьи Квист, изначально скудная, продолжала скудеть. Деньги утекали с каждой попыткой Ингмара добратсья до короля. Он писал настоящие любовные письма (с явно избыточным количеством марок), звонил (но дозвонился только до какого-то несчастного гофсекретаря), посылал подарки – из серебра шведской ковки, лучше которого, по мнению короля, нет в мире (чем поддержал существование не слишком щепетильного отца пятерых детей, в чьи обязанности входила регистрация всех входящих подношений монарху). Ингмар посещал соревнования по теннису и почти все прочие мероприятия с возможным королевским присутствием. Но ни затратные поездки, ни дорогие входные билеты ни на йоту не приблизили Ингмара к Его королевскому величеству.

Укреплению семейного бюджета не способствовало и то, что Хенриетта, нервничая по поводу всего вышеописанного, поступала так, как в то время было принято, а именно выкуривала в день по пачке-другой «Джона Сильвера» без фильтра.

Ингмар до того допек почтовое начальство разговорами об опостылевшем всем монархе и его достоинствах, что

оно визировало помощнику бухгалтера Квисту любой отпуск прежде, чем тот успевал сформулировать свою просьбу.

– Видите ли, господин главный бухгалтер... Как бы господин главный бухгалтер посмотрел, если бы я... В ближайшее время взял отпуск, скажем, неделки на две? Я, собственно...

– Не возражаю!

На службе Ингмара давно величали по его инициалам – IQ.

– Удачи, Ай Кью, какую бы глупость вы на этот раз ни задумали, – сказал главный бухгалтер.

Да только Ингмар подобные шуточки не достаивал вниманием. В отличие от других почтовых работников Сёдерт-элье, в его жизни имелись и цель и смысл.

Ингмару пришлось предпринять еще три серьезные попытки выйти на короля, прежде чем примерно все в его жизни изменилось с точностью до наоборот.

В первый раз он отправился во дворец Дроттнингхольм, встал у ворот в своей королевской почтовой форме и нажал на звонок.

– Добрый день. Это Ингмар Квист, королевская почта, в силу обстоятельств я имею личное дело к Его величеству. Не будете ли так любезны сообщить ему? Я подожду здесь, – доложил Ингмар привратнику.

– Спятил или как? – осведомился тот в ответ.

Завязался бесплодный диалог, в ходе которого Ингмару было предложено убираться подобру-поздорову, в противном случае привратник позаботится о том, чтобы господина почтового сотрудника упаковали как положено и отправили в то же почтовое отделение, откуда тот явился.

Задетый за живое Ингмар второпях обмолвился насчет размеров гениталий привратника, после чего был вынужден удирать от последнего во все лопатки.

И удрал, отчасти в силу большего проворства, но главным образом благодаря тому, что привратник имел приказ ни в коем случае не покидать поста у ворот и поневоле повернул обратно.

После этого Ингмар еще два дня кряду слонялся вокруг трехметровой ограды вне зоны видимости грубияна, охранявшего ворота и не желавшего понимать королевского блага, прежде чем отступил и вернулся в гостиницу, избранную плацдармом для операции.

– Вас рассчитать? – спросил администратор, давно уже заподозривший постояльца в намерении уклониться от оплаты счета.

– Да, будьте любезны, – сказал Ингмар, вошел в номер, сложил чемодан и выписался из гостиницы через окно.

Ко второй серьезной попытке, прежде чем все изменилось с точностью до наоборот, Ингмара подтолкнула заметка в «Дагенс нюхетер», которую он прочел, спрятавшись от со-

служивцев в туалете. Король, сообщила газета, отправился на несколько дней в Тулльгарн – отдохнуть и поохотиться на лосей. А где те лоси, задался риторическим вопросом Ингмар, как не на вольных лесных просторах? А коль скоро просторы вольные, кто может на них попасть? Да кто угодно! Хоть король, хоть сотрудник королевской почтовой службы.

Спустив ради конспирации воду, Ингмар пошел к главному бухгалтеру. Главный бухгалтер просьбу об отпуске удовлетворил, добавив без обиняков, что как-то не заметил, чтобы господин Квист успел вернуться из предыдущего.

Поскольку в Сёдертэлье машину в прокат Ингмару давно уже не давали, пришлось добираться автобусом в Нючёпинг – где его облик сочли вполне приемлемым для неплохого подержанного «Фиата-518». На нем Ингмар и устремился в Тулльгарн – на максимальной скорости, какую позволяли сорок восемь лошадиных сил.

Но не одолел он и половины пути, как ему навстречу вылетел черный «Кадиллак V-8» 1939 года выпуска. Не кого иного, как короля. Который успел насладиться охотой. И собрался снова ускользнуть у Ингмара из-под носа.

В мгновение ока Ингмар развернул прокатный «фиат» и после нескольких скоростных спусков ухитрился нагнать королевский автомобиль на сто лошадиных сил мощнее. Следующим пунктом программы было обогнать его и остановиться посреди дороги, например оттого, что якобы заглох мотор.

Однако нервный королевский шофер, опасаясь монаршего гнева, что их обогнал какой-то «фиат», поддал газу. К сожалению, шофер больше смотрел в зеркало заднего вида, чем на дорогу, и когда та резко повернула, продолжил движение прямо вперед, в полный воды кювет – вместе с королем и его спутниками.

Густав V и спутники уцелели, но Ингмар за рулем своего «фиата» знать этого не мог. Первая его мысль была броситься королю на помощь – и заодно пожать руку. Вторая – а ну как старик из-за него разбился насмерть? А третья – что тридцать лет принудительных работ за одно рукопожатие – это, пожалуй, многовато. В особенности если соответствующая рука принадлежит трупу. На грядущую популярность в народе Ингмар тоже особо не рассчитывал: цареубийцам она обычно не светит.

Так что он повернул назад.

Бросив прокатную машину возле отделения компартии в Сёдертэлье – чтобы счет пришел тестю, – он пешком отправился домой к Хенриетте и признался ей, что только что ненароком убил короля, которого так преданно любил.

Хенриетта утешала мужа: может, с королем все обошлось? – а если вдруг нет, то оно и к лучшему – для семейного бюджета.

На другой день пресса сообщила, что машина короля Густава V на большой скорости угодила в кювет, но сам король не пострадал. У Хенриетты новость вызвала смешанные чув-

ства. Но муж, пожалуй, получил хороший урок. И она с надеждой спросила Ингмара, не надоело ли ему гоняться за королем.

Оказалось, что нет.

Третья серьезная попытка перед тем, как все изменилось с точностью до наоборот, потребовала, в частности, поездки во Французскую Ривьеру, в Ниццу, куда восьмидесяти-восьмилетний Густав V отправлялся каждую осень лечить хронический катар дыхательных путей. В одном из редких интервью король признался, что проводит время на террасе своих апартаментов в *Hôtel d'Angleterre*, если не совершает ежедневный неспешный моцион вдоль Английской набережной.

Этой информации Ингмару оказалось достаточно. Он отправится туда, встретит короля на прогулке, подойдет и представится.

О том, что последует дальше, Ингмар не загадывал. Может, они постоят и потолкуют о том о сем, а там уж, если будет настроение, можно пригласить короля пропустить вечером по рюмочке в отеле. А на следующий день – почему бы не сыграть партию в теннис?

– На этот раз все пройдет гладко, – заверил Хенриетту Ингмар.

– Вот и хорошо, – ответила жена. – Ты мои сигареты не видел?

Ингмар отправился из Швеции на юг автостопом. Это заняло целую неделю, зато в Ницце не прошло и двух часов, как он увидел на Английской набережной высокого статного господина с моноклем и тростью, украшенной серебряным набалдашником. Боже, сколько в его фигуре было величия! Король медленно приближался. Причем совершенно один.

О том, что последовало дальше, Хенриетта могла рассказать во всех подробностях еще много лет спустя, поскольку Ингмар не уставал твердить об этом до конца ее жизни.

Ингмар поднялся со скамейки, подошел к величеству, представился его верным подданным на королевской почтовой службе, открытым навстречу возможности совместно выпить по рюмочке, а то и сыграть партию в теннис, – и наконец предложил обменяться рукопожатием.

Однако король отреагировал вовсе не так, как рисовалось Ингмару. Во-первых, он отказался пожать руку незнакомому человеку. Во-вторых, не удостоил его даже взглядом. Монарх устремил свой взор вдаль, мимо Ингмара, как на всех тех десятках тысяч марок, с которыми Ингмар имел дело по работе. И сказал, что ни при каких обстоятельствах не намерен вступать в общение с почтовым мальчиком на побегушках.

Вообще говоря, статус не позволял королю сообщать подданным, что он о них думает. Его с молодых ногтей учили демонстративному уважению к народу, который этого совер-

шенно не заслуживал. Но на сей раз король сорвался – отчасти оттого, что у него все везде разболелось, а отчасти потому, что всякому терпению есть предел.

– Но Ваше величество, вы не понимаете... – начал было Ингмар.

– Не будь я один, я бы попросил моих спутников объяснить стоящему передо мной каналье, что я его понял, – сказал король, уклонившись таким образом от прямого обращения к собеседнику.

– Но... – только и успел выговорить Ингмар, потому что король ударил его серебряным набалдашником в лоб и произнес: «Довольно!»

Ингмар так и сел, тем самым освободив государю дорогу. Его величество не торопясь отправилось далее, а подданный остался сидеть на мостовой.

Ингмар был уничтожен.

На целых двадцать пять секунд.

Потом он поднялся и проводил своего короля долгим взглядом.

– *Мальчик на побегушках? Каналья? Я тебе покажу мальчишку на побегушках и каналью!*

Вот тут-то все и изменилось с точностью до наоборот.

Глава 3

О суровом приговоре, не понятой миром стране и трех многосторонних сестренках-китаянках

По мнению адвоката инженера Энгелбрехта ван дер Вестхёйзена, чернокожая шла непосредственно по проезжей части, так что его клиенту оставалось с этим только согласиться. Таким образом, виновником ДТП оказался не он, а девушка. Которая к тому же шла по тротуару для белых.

Назначенный адвокат девушки в дискуссию вступать не стал, поскольку попросту забыл приехать на судебное разбирательство. А сама обвиняемая вообще ничего не сказала, главным образом потому, что перелом челюсти не слишком располагает к разговорчивости.

Зато в защиту Номбеко выступил судья. Он заявил, что, во-первых, концентрация алкоголя в крови господина ван дер Вестхёйзена по меньшей мере в пять раз превышала норму, допустимую при управлении транспортным средством, а во-вторых, право ходить по упомянутому тротуару чернокожие имеют – как это ни прискорбно. Но если девушку занесло на проезжую часть – в чем нет оснований сомневаться, коль скоро господин ван дер Вестхёйзен подтвердил под присягой, что дело было именно так, – то большая часть ви-

ны все-таки лежит на ней.

Суд присудил господину ван дер Вестхёйзену компенсацию в пять тысяч рандов за моральный ущерб плюс две тысячи за оставленные девушкой вмятины на машине.

Номбеко хватало средств и на штраф, и на оплату любого количества вмятин. Да и на новую машину. Или даже десять. Она была в высшей степени состоятельная девушка – ни один человек в зале суда или где-либо еще не мог даже вообразить себе, в какой именно. Еще в больнице она той рукой, которая ее худо-бедно слушалась, проверила шов куртки и убедилась, что алмазы на месте.

Но она об этом умолчала – и не по причине перелома челюсти. Алмазы ведь были в некотором отношении краденые. Правда, краденные у мертвеца, – но тем не менее. К тому же алмазы – это не живые деньги. Вытащи она хоть один, у нее бы мигом отняли остальные и в лучшем случае посадили за кражу, а в худшем – за соучастие в грабеже и убийстве. Ситуация, прямо скажем, щекотливая.

Судья взгляделся в лицо Номбеко, но истолковал его огорченное выражение по-своему. О денежной компенсации со стороны девушки говорить, по-видимому, не приходится, предположил он, так почему бы во исполнение штрафа не присудить ей обязательные работы на господина ван дер Вестхёйзена, если, конечно, господину инженеру такое решение представляется приемлемым. У них с господином инженером однажды ведь был подобный прецедент, и в тот раз

его это, кажется, устроило?

Энгелбрехт ван дер Вестхёйзен поежился, вспомнив, каким образом получил в услужение трех *китаёз*. Зато от них есть прок, а уж если добавить *черномазую*, хуже точно не станет. Хоть бы и этот убогий экземпляр – со сломанной ногой, рукой и челюстью, – который небось только под ногами будет путаться.

– Если так, то на половинное жалованье, – сказал он. – Сами на нее поглядите, ваша честь!

Жалованье Номбеко инженер Энгелбрехт ван дер Вестхёйзен положил пятьсот рандов в месяц минус четыреста двадцать рандов за проживание и питание. Судья согласно кивнул.

Номбеко едва не расхохоталась. Но именно что едва – слишком везде болело. Жирдяй судья и врун инженер только что предложили ей практически задаром отработать на последнего семь с гаком лет. Вместо штрафа, который при всей несообразности размера и нелепости обоснования вряд ли пробил бы существенную брешь в ее совокупном бюджете.

А впрочем, это, пожалуй, отчасти решало проблему. Она поживет у этого инженера, подлечит свои раны, а когда в один прекрасный день почувствует, что национальная библиотека в Претории больше ждать не может, просто возьмет и сбежит. Ее же приговаривают к домашним работам, а не к тюремному сроку?

Номбеко была готова тотчас принять предложение судьи,

но дала себе несколько дополнительных секунд на размышление и, несмотря на боль в челюсти, возразила:

– Значит, получается восемьдесят рандов чистыми. То есть чтобы расплатиться с господином инженером, мне придется работать на него семь лет, три месяца и двадцать дней. Не кажется ли вам, ваша честь, что это чересчур суровое наказание для человека, который, идя по тротуару, угодил под колеса автомобиля, водителю которого, с учетом процента алкоголя в крови, вообще не следовало садиться за руль?

Судья пришел в полное изумление. Мало того что подсудимая посмела высказаться. Да еще так четко. Она усомнилась в истинности показаний инженера, данных под присягой. И к тому же успела пересчитать размер штрафа прежде, чем кто-либо в зале суда сообразил, что к чему. Девчонку следовало бы одернуть, но... Судье стало любопытно, правильно ли подсудимая посчитала. Он обратился к секретарю суда, и тот через пять минут подтвердил, что «да, вполне возможно, что это составит – как уже сказано – примерно семь лет, три месяца и... где-то двадцать дней».

Инженер Энгелбрехт ван дер Вестхёйзен сделал глоток из коричневого флакона с микстурой от кашля, который неизменно носил с собой туда, где пить коньяк было не принято. И объяснил, что потрясение от этой страшной аварии, по-видимому, вызвало у него обострение астмы.

Но от микстуры астма успокоилась.

– Думаю, округлим в меньшую сторону, – сказал он. –

Семь лет ровно, и хватит. А вмятины можно отрихтовать.

Лучше несколько недель у этого Вестхёйзена, решила Номбеко, чем тридцать лет в тюрьме. Жаль, конечно, что с библиотекой придется подождать, но путь туда неблизкий, со сломанной ногой его вряд ли одолеешь пешком. Это не считая остального. Например, мозоли на пятке, натертой за пройденные по саванне двадцать шесть километров.

Так что небольшая пауза не повредит, если только инженер не переедет ее еще раз.

– Спасибо, это очень великодушно с вашей стороны, инженер ван дер Вестхёйзен, – сказала девушка и подтвердила, что принимает предложение судьи.

«Инженер ван дер Вестхёйзен», и хватит с него. Обращаться к нему «баас» она не собиралась.

Сразу по окончании процесса Номбеко оказалась на пассажирском месте рядом с инженером ван дер Вестхёйзеном, который одной рукой вел машину на север, а другой сжимал горлышко бутылки с коньяком «Клипдрифт». Ни цветом, ни запахом коньяк не отличался от микстуры от кашля, принятой инженером в суде.

Дело было 16 июня 1976 года.

В тот самый день многих старшеклассников Соуэто возмутила очередная идея правительства: отныне преподава-

ние, и без того посредственное, будет вестись исключительно на африкаанс. Школьники вышли на улицы выразить свое недовольство. Учиться, полагали они, значительно легче, когда ты в курсе того, что говорит учитель. А текст куда доступнее для читателя, если тот его понимает. Поэтому, требовала молодежь, преподавание по-прежнему должно вестись на английском.

Окружившая протестантов полиция с интересом выслушала доводы собравшихся и привела свои контраргументы в присущем южноафриканскому руководству стиле – открыла огонь.

Непосредственно по демонстрации.

Двадцать три демонстранта погибли примерно сразу. На другой день полиция привела дополнительные аргументы в виде вертолетов и бронемашин. Прежде чем улеглась пыль, оборвались жизни еще нескольких сот человек. В результате городской департамент образования Йоханнесбурга смог сократить бюджетные расходы на Соуэто – ввиду нехватки учащихся.

Всего этого Номбеко удалось счастливо избежать. Государство обратило ее в рабство, и теперь она ехала в дом своего нового хозяина.

– Далеко еще, инженер? – спросила она, главным образом чтобы сказать хоть что-то.

– Да не очень, – ответил инженер ван дер Вестхёйзен. – Только незачем болтать почему зря. Когда тебя спросят – то-

гда и говори.

Инженер Вестхёйзен оказался личностью многогранной. Что он лгун, Номбеко поняла еще в зале суда. Что он алкоголик, стало ясно в машине по дороге оттуда. Но и в профессии он оказался пустым местом – не смыслил в своем деле ни бельмеса и держался на руководящей должности лишь благодаря умению врать и манипулировать теми, кто смыслит в нем хоть что-то.

Что было бы мелочью, не работай инженер над одним из самых сенсационных и секретных проектов. Именно ван дер Вестхёйзену предстояло сделать ЮАР ядерной державой. Затевалось все в исследовательском центре Пелиндаба, в часе езды на север от Йоханнесбурга.

Знать этого Номбеко, разумеется, не могла, но по мере приближения к рабочему месту инженера у нее появилось ощущение, что все не так просто, как ей показалось поначалу.

Как раз когда «Клипдрифт» в бутылке закончился, они с инженером подъехали к первому КПП. Предъявив пропуск, они въехали через ворота внутрь ограждения трехметровой высоты, по которому шел ток в двенадцать тысяч вольт. За оградой лежала пятнадцатиметровая контрольная полоса, охраняемая парными патрулями с собаками, следом за которой находились другие ворота в ограждении той же высоты и с тем же количеством вольт. Вдобавок вокруг все-

го заведения, в пространстве между двумя трехметровыми оградами, кто-то додумался заложить минное поле.

– Вот тут ты и будешь искупать свою вину, – сказал инженер. – И жить будешь тут, чтобы не сбежала.

Таких параметров, как ограда под напряжением, патрули с собаками и минное поле, Номбеко в свои расчеты, сделанные пару часов назад, не включила.

– А тут уютно, – заметила она.

– Опять болтаешь, когда не спрашивают, – сказал инженер.

Южноафриканская ядерная программа стартовала в 1975-м – за год до того, как инженер ван дер Вестхёйзен в пьяном виде сбил некую чернокожую. Тот факт, что он сидел и накачивался коньяком в баре отеля «Хилтон», пока его оттуда мягко не попросили, объяснялся двумя обстоятельствами. Во-первых, алкоголизмом. Организму инженера для нормального функционирования требовалось не меньше бутылки «Клипдрифта» в день. Во-вторых, дурным настроением. Просто отвратительным. Инженеру только что влетело от премьер-министра Форстера, возмущенного, что за целый год ничего так и не сделано.

Инженер пытался утверждать обратное. Налажен рабочий обмен с деловыми кругами Израиля. По инициативе премье-

ра, конечно, но тем не менее: уран отныне поставляется в Иерусалим, а оттуда приходит третий. В научном центре на военной базе Пелиндаба даже неотлучно находятся два израильских агента, наблюдающие за процессом.

Нет, по поводу сотрудничества с Израилем, Тайванем и другими премьер-министр никаких нареканий не имел. Дело хромало с самим производственным процессом. Или, как выразился сам премьер: «Нам не нужна от вас очередная куча объяснений. Нам не нужны очередные кооперации незнамо с кем. От вас, господин ван дер Вестхёйзен, черт вас побери, нам нужна только атомная бомба. А затем еще пять».

Покуда Номбеко жила за двумя контурами ограждения в ядерном центре Пелиндаба, премьер-министр Балтазар Йоханнес Форстер только вздыхал, сидя у себя во дворце. Дел было невпроворот, с раннего утра до позднего вечера. И самое срочное из них – пресловутые шесть атомных бомб. Что, если этот втируша Вестхёйзен – вовсе не тот, кому по плечу такая задача? Говорить он мастак, а результатов пока ноль.

Форстер костерил себе под нос и гребаную ООН, и ангольских коммунистов, и Советы с Кубой, которые засылают орды революционеров на юг Африки, и марксистов, которые уже захватили власть в Мозамбике. И сволочное ЦРУ, которое вечно ухитряется пронюхать, что, где и как, а потом не

в состоянии держать язык за зубами.

«Нет уж, в задницу», – подумал Б. Й. Форстер о мире в целом.

Опасность угрожает стране прямо *сейчас*, а не когда инженер соблаговолит перестать пинать балду.

Путь премьера к власти был долог и тернист. Юношей, в конце тридцатых, он заинтересовался нацизмом. У нацистов, на взгляд Форстера, имелась любопытная методика сортировки представителей разных народностей. О чем он сообщал каждому, кто был готов его слушать.

Тут началась Вторая мировая война. Южная Африка, к несчастью для Форстера, выступила на стороне союзников (как-никак она входила в состав Британской империи) и отравила нацистов вроде Форстера за решетку вплоть до самой победы. Выйдя на волю, он стал осторожнее: открыто выступать с нацистскими идеями ни до, ни после этого никому не шло впрок.

А в пятидесятые властям показалось, что Форстер, пожалуй, к лотку приучен. Весной 1961-го – того же года, когда в одной из лачуг Соуэто родилась Номбеко, – ему предложили пост министра юстиции. Год спустя он и его полиция сумели изловить главного преступника – террориста и члена АНК по имени Нельсон Холилала Мандела.

Манделе, разумеется, дали пожизненный срок и отправили на остров-тюрьму близ Капстада, чтобы он сгнил там за-

живо. Форстер полагал, что это произойдет довольно скоро.

Пока Мандела приступал к предполагаемому гниению заживо, Форстер продолжал восхождение по карьерной лестнице. На ее последней и решающей ступеньке ему сильно помогло то, что у некоего африканца со специфическими проблемами окончательно сорвало крышу. В рамках системы апартеида он считался белым, но, видимо, ошибочно, поскольку выглядел скорее цветным и оттого повсюду чувствовал себя чужим. Для разрешения своих внутренних противоречий он отыскал предшественника Б. Й. Форстера на посту премьер-министра и всадил тому в живот нож – пятнадцать раз кряду.

Этого не то белого, не то не белого закрыли в психушке, где тот просидел тридцать три года, так и не уяснив, какой он расы.

И только потом умер. В отличие от премьера с пятнадцатью ранами в животе, который, во-первых, был, несомненно, белым, а во-вторых, умер сразу.

Так что стране понадобился новый премьер-министр. Желательно с рукой potvrже. Каковым и стал бывший нацист Форстер.

Достижения страны, да и собственные, на ниве внутренней политики Форстера вполне устраивали. Новое антитеррористическое законодательство позволяло объявить террористом кого угодно и посадить на сколь угодно длительный срок на каком угодно основании. Или без.

Другим удачным проектом было создание резерваций-бантустанов для разных народностей – по одной для каждой, кроме *коса*, – этих оказалось такое количество, что бантустанов понадобилось аж две штуки. Всего-то и дел – собрать черных определенного сорта, свезти их в соответствующую резервацию, лишить южноафриканского гражданства и предоставить новое – по названию бантустана. Раз ты больше не гражданин ЮАР, то и гражданских прав тебе не положено. Просто, как дважды два!

Некоторые сложности возникли на внешнеполитической арене. Учитывать позиции его страны мир категорически отказывался. Такая очевидная вроде бы штука – если ты не белый, то никогда им не станешь – вызывала множество нареканий.

Удовлетворение бывшему нацисту Форстеру доставляло только сотрудничество с Израилем. Хотя они там и сплошь евреи, но во многих отношениях такие же не понятые миром, как и Форстер.

«Нет, в задницу», – еще раз заключил Б. Й. Форстер.

Чем он только занимается, этот халтурщик Вестхёйзен?

Новой прислугой, неожиданно посланной ему провидением, Энгелбрехт ван дер Вестхёйзен был доволен. Она уже кое-что делала, еще когда ковыляла с левой ногой в шине и пра-

вой рукой в гипсе. Эта, как ее там?

Вначале он называл ее «кафрой-2», чтобы не путать с другой негритянкой – уборщицей на внешнем КПП. Но когда об этом узнал епископ местной реформатской церкви, инженер получил выговор. Чернокожие заслуживают большего уважения.

Эта церковь уже сто с лишним лет допускала негров к литургии вместе с белыми, хотя черным приходилось дольше дожидаться причастия, ведь их такое количество, что хоть строй для них отдельные церкви. Вины реформатской церкви в том, что черные размножаются как кролики, епископ не видел.

– Уважение, – повторил он. – Поразмыслите о нем, господин инженер.

Слова епископа впечатлили Энгелбрехта ван дер Вестхейзена, но удержать в голове имя Номбеко ему так и не удалось. Поэтому обращался он к ней «ты-как-тебя-там», а в остальных случаях... упоминать ее в остальных случаях смысла, строго говоря, не имело.

Премьер-министр Форстер уже дважды являлся с визитом, оба раза любезно улыбаясь, но давая понять, что если в ближайшее время в ядерном центре не появятся пресловутые шесть бомб, то может получиться, что и инженера Вестхейзена в нем больше не будет.

Перед первым приездом премьера инженер собрался за-

переть *эту-как-ее-там* в чулан. Разумеется, правила не запрещали держать на базе цветную прислугу, если не давать ей пропуска наружу, но в глазах инженера это выглядело неопрятно.

Однако у варианта с чуланом имелся тот недостаток, что *этой-как-ее-там* не будет под рукой, а инженер довольно быстро понял, что иметь ее под рукой совсем не плохо. Уму непостижимо, но в голове у этой девчонки постоянно что-то крутилось. Она оказалась гораздо нахальнее, чем положено, и нарушала все правила, какие могла. Предела ее наглость достигла, когда девчонка без разрешения стала ходить в библиотеку научного центра и даже брать там книги. Первым порывом инженера было прервать все работы и подключить к расследованию службу безопасности. Зачем неграмотной из Соуэто понадобились книги?

Но потом он обнаружил, что она их *читает*. Это поразило его еще больше – умения читать за местными неграмотными как-то не водилось. Затем инженер увидел, *что* она читает, – а именно *всё*, включая литературу по высшей математике, химии, электротехнике и металлургии (предметы, в которые, кстати, не мешало бы углубиться и самому инженеру). А однажды, застукав ее уткнувшейся носом в книгу вместо того, чтобы драить полы, он увидел, что девчонка сидит и улыбается, глядя на математические формулы.

Смотрит, кивает и *улыбается*.

Самым возмутительным образом! Инженеру изучение ма-

тематики ни малейшей радости не доставляло. Как и постижение прочих наук. К счастью, он получил наивысшие баллы по окончании университета, главным спонсором которого являлся его отец.

Знать все обо всем, полагал инженер, вовсе не обязательно. Для успешной карьеры достаточно высоких баллов, правильного папы и умения беззастенчиво использовать чужие способности. Но чтобы усидеть на своем нынешнем месте, инженер должен был представить результаты. Не свои, конечно, – на то есть ученые и лаборанты, которых он распорядился нанять и которые теперь работали на него день и ночь.

А команда делала несомненные успехи. Инженер не сомневался: в не столь отдаленном будущем они разберутся с оставшимися немногочисленными техническими сложностями, так что можно будет приступить к испытаниям ядерного оружия. Все же рабочей группой руководит не дурак. Наоборот, он здорово надоед своими успехами, о малейшем из которых спешил тут же доложить и ждал реакции инженера.

И тут появилась *эта-как-ее-там*. Разрешив своей уборщице рыться в библиотеке, инженер распахнул перед ней настежь дверь в математику, и девчонка принялась жадно поглощать все, что имело отношение к алгебраическим, трансцендентным, мнимым и комплексным числам, постоянной Эйлера, дифференциальным и диафантовым уравнениям и бесконечному (∞) количеству иных премудростей,

более или менее недоступных инженеру.

Со временем Номбеко стала бы правой рукой главы рабочей группы, не будь она *этой-как-ее там*, а главное, имей она кожу правильного цвета. А тут она получила сомнительное звание прислуги за все, а параллельно с уборкой читала кирпичи, написанные руководителем рабочей группы, с изложением проблем, описанием экспериментов и аналитикой. То есть всего того, что сам инженер прочесть был не в состоянии.

– Про что хоть вся эта хрень? – спросил однажды инженер Вестхёйзен и протянул уборщице очередную стопку бумаг.

Номбеко прочитала и вернулась с ответом:

– Это анализ статического и динамического воздействия ударной волны в зависимости от количества килотонн.

– А теперь по-человечески, – велел инженер.

– Чем мощнее бомба, тем больше зданий взлетит на воздух, – объяснила Номбеко.

– Да ладно, это же понятно даже горной горилле! Неужели кругом сплошные идиоты? – спросил инженер, долил себе коньяку и приказал уборщице скрыться с глаз долой.

Как тюрьма Пелиндаба, на взгляд Номбеко, практически не имела себе равных. Собственная кровать, доступ к ватерклозету вместо ответственности за четыре тысячи отхожих

мест с выгребными ямами, двухразовое питание плюс фрукты на обед. И собственная библиотека. Вернее, не то чтобы собственная, но никто, кроме Номбеко, ею не интересовался. Библиотека, впрочем, была не слишком богатой – предположительно куда беднее, чем Национальная библиотека в Претории. Кое-что на полках либо устарело, либо не имело отношения к делу, либо и то и другое одновременно. Но тем не менее.

Так что она без особых сожалений продолжала отбывать наказание за свою неосторожность – за то, что позволила пьяному в хлам водителю сбить себя на йоханнесбургском тротуаре зимним днем 1976 года. Жилось ей теперь во всех отношениях лучше, чем когда она чистила отхожие места на крупнейшей в мире человеческой свалке.

Но миновало столько месяцев, что пришла пора складывать их в годы. И конечно, Номбеко стала подумывать, как бы ей выбраться на волю. Ведь это же целое дело – ограждения, минное поле, сторожевые собаки и сигнализация.

Прокопать подземный ход?

Нет, этот дурацкий вариант Номбеко отбросила сразу.

Пробраться в машину, покидающую территорию центра?

Нет, как раз на такой случай у охраны есть овчарки, и хорошо, если они сразу вцепятся в горло и избавят тебя от дальнейших неприятностей.

Дать взятку?

Допустим...

Но это значило бы поставить на карту все, а тот, с кем она договорится, наверняка по южноафриканской традиции алмазы заберет, а ее сдаст.

Выйти по чужим документам?

Пожалуй. Украсть документы не штука, ты поди укради цвет кожи.

И Номбеко решила какое-то время не думать о побеге. Пока что единственным реальным шансом было отрастить крылья и стать невидимкой. Потому что одними только крыльями не обойдешься: тебя тотчас пристрелят восемь человек охраны с четырех вышек.

Номбеко было пятнадцать, когда она угодила за двойной контур, и уже почти семнадцать, когда инженер торжественно сообщил, что выправил для нее действующий южноафриканский паспорт, даром что она черная. Поскольку без него не попасть в те коридоры, куда, на взгляд ленивого инженера, доступ ей был необходим. Так постановила южноафриканская служба безопасности, а инженер Вестхёйзен знал, с какой службой можно ссориться, а с какой не стоит.

Паспорт он положил в ящик письменного стола и в силу неизбывной потребности продемонстрировать, кто в доме хозяин, разъяснил, почему вынужден его запирать.

– Это для того, чтобы *ты-как-тебя-там* не вздумала сбежать, – сообщил инженер и гадко ухмыльнулся. – За границу ты без паспорта не попадешь, а тут мы тебя рано или поздно отыщем.

Если инженеру интересно, как ее звать, ответила Номбеко, то это указано в паспорте, а она по распоряжению инженера уже давно отвечает за его шкафчик с ключами. В котором висит в том числе и ключ от ящика письменного стола.

Инженер свирепо зыркнул на свою уборщицу. Опять она себе позволяет. Это же рехнуться можно. В особенности оттого, что она всегда права.

Дрянь такая.

Над самым секретным из всех наисекретнейших проектов на всех уровнях работало в общей сложности двести пятьдесят человек. Номбеко довольно быстро поняла, что его главный руководитель лишен каких бы то ни было талантов, кроме умения поживиться за счет проекта. Тут ему везло (до того самого дня, когда перестало).

На определенном этапе работы одной из главных проблем стала постоянная утечка при экспериментах со фторидом урана. На стене в кабинете инженера Вестхёйзена висела доска, на которой он наобум рисовал линии, стрелки, формулы и тому подобное, чтобы казалось, будто он думает. Инженер сидел в своем кресле и бормотал «водородосодержащий газ», «фторид урана», «утечка» вперемешку с обсценной лексикой на английском и африкаанс. Возможно, Номбеко следовало позволить ему бормотать и дальше – ее-то дело уборка. Но под конец она не утерпела:

– Я, конечно, мало что знаю о водородосодержащем га-

зе и практически ничего не слыхала про фторид урана. Но насколько я могу судить по сложным для моего понимания выкладкам, представленным на доске, господин инженер столкнулся с автокаталитической реакцией.

Инженер ничего не ответил, но посмотрел мимо *этой как-ее-там* на дверь в коридор, чтобы удостовериться, что там нет никаких свидетелей того, как это странное создание уже в который раз ставит его в тупик.

– Могу я понимать молчание господина инженера как разрешение продолжить? Обычно он желает, чтобы я говорила, только когда меня спрашивают.

– Так и быть, говори! – разрешил инженер.

На ее взгляд, с вежливой улыбкой объяснила Номбеко, не так важно, как именно называются различные части проблемы: в любом случае их можно представить как части математического уравнения.

– Обозначим водородосодержащий газ как А, фторид урана как В, – сказала Номбеко.

Затем подошла к доске, стерла с нее инженерову абракадабру и написала уравнение скорости автокаталитической реакции первого порядка.

Когда инженер недоуменно вытаращился на доску, девушка для большей наглядности построила сигмоидальную кривую.

А закончив, поняла: инженер ван дер Вестхёйзен понимает написанное ею не больше, чем любой золотарь, окажись он

на инженерском месте. Или чем даже секретарь Йоханнесбургского муниципального департамента санитарии в аналогичной ситуации.

– Ну пожалуйста, инженер, – взмолилась Номбеко. – Постарайтесь понять, а то мне же еще полы драить. Газ плохо ладит со фторидом, причем их нелады стремительно усиливаются!

– И что с этим делать? – спросил инженер.

– Не знаю, – ответила Номбеко. – Об этом я еще не успела подумать. Я всего лишь уборщица.

В этот момент в кабинет заглянул один из самых квалифицированных сотрудников инженера ван дер Вестхёйзена. Его послал руководитель рабочей группы с благой вестью: проблема, как выяснилось, заключается в автокаталитической реакции – это она приводит к химическому загрязнению фильтров, и решение скоро будет найдено.

Но ничего из этого сотруднику говорить не пришлось, поскольку он прочел на доске позади *кафры* со шваброй то, что там было написано.

– Вот как! Шеф уже сам пришел к выводам, которые я собирался сообщить! В таком случае не смею вас беспокоить, – сказал сотрудник и развернулся в дверях.

Инженер ван дер Вестхёйзен, молча сидевший за столом, налил себе очередной бокал «Клипдрифта».

Номбеко заметила, что получилось, пожалуй, даже удачно. Теперь у нее осталось всего два вопроса, и она оставит

инженера в покое. Первый – не возражает ли инженер, если она напишет математическое обоснование того, как рабочей группе повысить мощность с двенадцати тысяч ЕРР до двадцати тысяч с отвалами до 0,46 %.

Инженер не возражал.

И второй вопрос – не мог бы инженер заказать новую половую щетку, поскольку прежнюю сгрызла его собака.

Инженер ответил, что обещать не обещает, но посмотрит, что можно сделать.

Раз уж Номбеко предстояло сидеть взаперти, она решила, что надо найти хоть какие-то светлые стороны и в этом. Забавно будет, например, узнать, долго ли продержится этот шарлатан Вестхёйзен.

Все, в общем, складывалось неплохо. Девушка читала книги, особенно когда никто не видел, мыла коридоры и опорожняла пепельницы, читала отчеты рабочей группы и в максимально упрощенной форме пересказывала их инженеру.

А свободное время проводила с остальной прислугой. Относившейся к сложно определимому в системе апартеида нацменьшинству: согласно букве закона, это были «прочие азиаты». Говоря точнее, китайки.

Китайцы появились в Южной Африке еще сто лет назад, когда страна нуждалась в дешевой (и не слишком привередливой) рабочей силе на золотых рудниках близ Йоханнес-

бурга. Золото ушло в историю, зато китайские поселения сохранились, а с ними и китайский язык.

На ночь трех сестер-китаянок (младшую, среднюю и старшую) запирали вместе с Номбеко. Поначалу они держались настороженно, но поскольку играть в маджонг вчетвером куда сподручнее, чем втроем, то стоило хотя бы попробовать, тем более что девушка из Соуэто производила впечатление не такой уж дуручки, хоть кожа у нее была и не желтая.

Номбеко охотно приняла приглашение и сразу разобралась с пангом, конгом, чоу и всеми остальными ветрами всех мыслимых направлений. После чего взяла три партии из четырех, благо запомнила все сто сорок четыре кости, а в четвертой позволила победить одной из сестер.

Кроме того, китаянки и Номбеко каждую неделю находили время поболтать о том, что новенького случилось в мире, – и последняя делилась с ними всем, что ей удалось услышать в коридорах и через стенку. Сводкам новостей, правда, недоставало полноты, впрочем, и аудитория была не слишком взыскательной. Как-то, например, Номбеко сообщила, что в Китае сняли запрет с Аристотеля и Шекспира. То-то оба радуются, предположили сестрички.

Игра и выпуски политинформации сдружили сестер по несчастью. А знаки и символы на игральных костях заставили китаянок познакомиться Номбеко с их диалектом китайского. Все четверо добродушно смеялись, наблюдая за ее успехами и за куда менее успешными попытками сестричек осво-

ить язык *коса*, доставшийся Номбеко от матери.

В отличие от биографии Номбеко, прежний образ жизни сестренки-китаянки вызывал определенные вопросы. В пользование инженера они попали примерно так же, как и она, только на пятнадцать лет вместо семи. Дело было так: они повстречались с инженером в одном из йоханнесбургских баров, он стал подкатывать ко всем трем сразу, и тут выяснилось, что им нужны деньги для больного родственника, и потому они хотели бы продать... нет, не свои тела, а одну семейную реликвию.

Инженеру в первую очередь хотелось самих девушек, но урвать куш хотелось тоже, поэтому он отправился к китайцам домой, где ему показали искусной работы керамического гуся эпохи Хань, изготовленного лет за сто до нашей эры. За него девчонки хотели двадцать тысяч рандов, притом что инженер знал: такая вещь стоит дороже раз в десять, если не в сто! Но девчонки были мало что девчонки, а еще и *китаёзы*, так что он предложил им пятнадцать тысяч наличными возле банка на другое утро («по пять штук каждой или вообще ничего!»), и эти дуры согласились.

Уникальный гусь простоял на почетном пьедестале в кабинете инженера целый год, пока один из агентов МОССАД, также задействованный в проекте, не пригляделся к статуэтке и за десять секунд не определил, что это полная туфта. Дальнейшее следствие, проведенное разъяренным инже-

нером, показало, что гусь произведен отнюдь не мастером из провинции Чжэцзян в эпоху Хань примерно в первом веке *до нашей эры*, а, судя по всему, тремя девчонками-китайками в пригороде Йоханнесбурга и в несколько иную эпоху, а именно в тысяча девятьсот семьдесят пятом году *нашей эры*.

Китайки имели неосторожность показать инженеру гуся у себя дома. Это позволило ему вместе с силами правопорядка добраться до всех трех. От пятнадцати тысяч рандов у сестер осталось всего два, так что сидеть им в Пелиндабе предстояло еще не меньше десяти лет.

– Между собой мы называем инженера #, – сказала одна из сестер.

– «Гусь», – перевела Номбеко.

Чего китайкам хотелось больше всего, так это вернуться в китайский квартал Йоханнесбурга и продолжить производство гусей эпохи Хань, только работать с ними тщательнее, чем в тот раз.

А так-то им жилось ничуть не хуже, чем Номбеко. В круг их обязанностей входила готовка еды инженеру и охране, а также обработка входящей, а главное, исходящей почты. Все большое и маленькое, что можно стащить, не вызвав лишнего шума, отправлялось прямым ходом в исходящую корзину на адрес мамы сестричек. Мама благодарила и продавала добычу, радуясь, что в свое время выучила девочек писать и читать по-английски: инвестиция оказалась удачная.

Однако порой их небрежность и невнимательность приводили к казусам. Например, как-то одна из них перепутала наклейки с адресами, и министр иностранных дел лично позвонил инженеру Вестхейзену и спросил, с какой целью тот прислал ему восемь стеариновых свечей, два дырокола и четыре пустые папки, – в то время как мамаша китаянок получила и тут же сожгла четырехсотстраничный технический отчет, посвященный недостаткам ядерного заряда на основе нептуния.

Что бесило Номбеко, так это то, как поздно она поняла, во что влипла. Судя по всему, ее приговорили вовсе не к семи годам службы у инженера. Она угодила к нему на пожизненный срок. В отличие от сестренок-китаянок она вполне осознавала, что такое самый секретный в мире проект. Пока что от всякого, кому она могла бы проболтаться, ее отделял контур под напряжением в двенадцать тысяч вольт. А когда ее отпустят? Сколько проживет после этого никому не нужная негритянка, представляющая собой угрозу безопасности страны? Секунд десять. Или двадцать. Если повезет.

Ее положение можно было представить как математическую задачу, не имеющую решения. Если она поможет инженеру осуществить его миссию, тому достанется честь и государственная пенсия на блюдечке с золотой каемочкой. А

ей, знающей чего не положено, – выстрел в затылок.

Если, наоборот, поспособствовать его провалу, то инженеру светит позор, увольнение и куда более скромная пенсия. А ей самой – все тот же выстрел в затылок.

Если коротко, то надежды уравнение не сулило. Единственное, что оставалось Номбеко, – это лавировать, иными словами, делать все, чтобы никто не узнал, что инженер – пустое место, и в то же время по возможности затягивать реализацию проекта. Конечно, это не защитит ее от пресловутого выстрела в затылок, однако чем позже он грянет, тем больше шансов, что прежде произойдет что-нибудь еще, вроде революции, или бунта сотрудников, или другого столь же маловероятного события.

Если она до тех пор сама не найдет выход.

В отсутствие других идей Номбеко, улучив момент, сидела у окна библиотеки и наблюдала за происходящим у ворот. Она подходила к окну в разное время суток и отслеживала распорядок и поведение охраны.

Так, она сразу отметила, что каждую въезжающую и выезжающую машину обыскивает охрана с собаками – за исключением машины самого инженера. А также руководителя рабочей группы. И обоих агентов МОССАД. Все четверо, очевидно, были выше подозрений. К сожалению, у них и гаражные места были получше. Можно, скажем, пробраться в большой гараж, забраться в багажник – где тебя и застукает охранник с дежурной собакой. Натасканной сперва кусать,

а уж потом спрашиваться хозяина. Но в маленький гараж, к машинам высокого начальства и их багажникам, оставлявшим шанс выжить, Номбеко доступа не имела. Ключ оттуда был из тех немногих, что не хранился в шкафчике, за который она отвечала. Инженер пользовался этим ключом каждый день и потому носил при себе.

Другим наблюдением Номбеко стало то, что чернокожая уборщица во внешнем контуре беспрепятственно выходит за границу базы всякий раз, когда надо опорожнить зеленый мусорный бак, стоящий у внутреннего двенадцатитысячвольтного ограждения. Происходило это через день и очень обнадеживало: Номбеко не сомневалась, что на самом деле уборщица такого права не имеет, но охранники смотрят на это сквозь пальцы, лишь бы не выносить свой мусор самим.

В результате родилась смелая мысль. Через большой гараж можно незаметно подобраться к зеленому баку, залезть внутрь и таким образом попасть за ворота – в мусорный контейнер снаружи базы. Мусор негритянка выносила строго в 16.05, раз в два дня, и неизменно оставалась в живых потому, что сторожевых собак отучили рвать эту чернокожую без спроса. Зато они всякий раз недоверчиво обнюхивали сам бак.

Значит, собак надо где-то на полдня вывести из строя. Тогда, и только тогда у безбилетной пассажирки останется шанс выжить. Придется подсыпать им чуточку яда в еду.

Номбеко посвятила в свои планы китайянок, раз уж те от-

вечали за кормежку охраны и всего сектора G. Включая людей и животных.

– Нет проблем, – заявила старшая сестра, едва зашла об этом речь. – Мы как раз специалисты по отравлению собак, все три. Ну, по меньшей мере две.

Номбеко уже давно не удивлялась ни словам, ни поступкам сестричек, но тут удивилась. И попросила рассказать подробнее, иначе это не даст ей покоя всю оставшуюся жизнь. Сколько бы времени ни занял рассказ.

Оказывается, прежде чем сестры и их мамаша занялись прибыльным контрафактным производством, мама держала собачье кладбище близ Западного Парктауна – белого пригорода Йоханнесбурга. Бизнес шел ни шатко ни валко, собаки в этом районе получали такое же качественное питание, как и люди, так что на тот свет не торопились. Вот мамаша и надумала, чтобы старшая сестра и средняя сестра разложили отравленный собачий корм по паркам, где белые спускают своих пуделей и пекинесов с поводка (младшая была тогда еще совсем маленькая и могла сама угоститься собачьим кормом, если бы до него добралась).

В скором времени работы у владелицы кладбища сильно прибавилось, и жило бы семейство не тужило, кабы не его, скажем прямо, чрезмерная жадность. Когдадохлых собак в парках стало больше, чем живых, то белые расисты, конечно же, обратили внимание на единственную в округе *китаёзу* и ее дочек.

– Да уж, явная предвзятость, – прокомментировала Номбеко.

Мамаше пришлось срочно упаковать чемодан, скрыться в центре Йоханнесбурга и сменить род деятельности.

С тех пор прошло уже несколько лет, но дозировки дочери запомнили.

– Ну, на этот раз речь о восьми собаках – и чтобы отравить их совсем немножко, – сказала Номбеко. – Чтобы слегка поболели денек-другой.

– Этиленгликоль будет в самый раз, – сказала средняя сестра.

– Та же мысль, – сказала старшая.

Они тотчас рассчитали нужные дозы. Средняя сестра решила, что хватит трехсот кубиков, но старшая возразила, что это серьезные овчарки, а не какие-нибудь чихуахуа.

Наконец сестры решили, что пол-литра как раз хватит, чтобы привести собак в нерабочее состояние вплоть до завтрашнего дня.

Сестрички, по мнению Номбеко, отнеслись к делу слишком легкомысленно. Она уже жалела, что обратилась к ним за помощью. Неужели они не понимают, что с ними будет, когда выяснится, откуда взялся отравленный корм?

– Да брось, – сказала младшая. – Обойдется. Для начала надо заказать бутылку этиленгликоля, иначе никого отравить не получится.

Тут Номбеко пожалела еще больше. Похоже, они и правда

не понимали, что служба безопасности вычислит виновных через несколько минут после того, как обнаружит дополнительный пункт в обычном списке закупок.

И тут ей кое-что пришло на ум.

– Погодите, – сказала она. – Ничего не делайте, пока я не вернусь. Вообще ничего!

Девушки с удивлением смотрели ей вслед. Что она задумала?

А задумала Номбеко вот что. Она вспомнила один из бесчисленных отчетов, приходивших инженеру. Правда, там упоминался не этиленгликоль, а этандиол. В отчете говорилось об опытах с жидкостями, закипающими при температуре выше ста градусов по Цельсию, с целью на несколько десятых долей секунды замедлить повышение температуры критической массы. Вот там и фигурировал этот этандиол. Что, если у него примерно такие же свойства, как у этиленгликоля?

Если с последними новостями в библиотеке было так себе, то с информацией более фундаментального плана все обстояло прекрасно. Как, например, с подтверждением версии, что этандиол и этиленгликоль во многих отношениях похожи. Более того: они оказались одним и тем же веществом!

Номбеко позаимствовала из инженерского шкафчика два ключа и через большой гараж прокралась в чулан со всякой химией при электроподстанции. Где обнаружила почти полную двадцатипятилитровую канистру этандиола. Отлила

литров пять в прихваченное с собой ведро и вернулась к китаянкам.

– Тут на всех хватит и еще останется, – сказала она.

Для начала решили добавить в корм совсем немного реактива, посмотреть, что будет, а потом постепенно увеличивать дозу, пока все восемь собак не выйдут из строя: так охрана ничего не заподозрит.

Китаянки по настоянию Номбеко снизили дозировку с пол-литра до четырехсот миллилитров, но допустили большую ошибку, поручив готовить смесь младшей сестренке – той из трех, которая во время оно была совсем маленькой. И младшая во время первой, пробной попытки добавила по четыреста миллилитров из расчета на каждую псину. Двенадцать часов спустя все восемь собак были так же мертвы, как некогда их собратья в Западном Парктауне. Да и вороватый кот начальника охраны находился в критическом состоянии.

Дело в том, что этиленгликоль всасывается из кишечника в кровь очень быстро. После чего печень расщепляет его на гликольальдегид, гликолевую и щавелевую кислоты. При большой дозе отказывают почки, а следом легкие и сердце. Так что непосредственной причиной гибели всех восьми собак стала остановка сердца.

А непосредственным результатом просчета младшей из сестричек-китаянок – что включилась сирена, охрана была приведена в готовность номер один и шансов ускользнуть с базы в мусорном баке у Номбеко не осталось.

На другой день сестер вызвали на допрос, они все отрицали вчистую, а тем временем служба безопасности обнаружила ведро с остатками этиленгликоля в багажнике машины одного из двухсот пятидесяти сотрудников научного центра. Ведь у Номбеко благодаря инженерскому шкафчику с ключами имелся доступ в большой гараж; упомянутый багажник оказался единственным незапертым, а ведро надо было куда-то пристроить. В моральном отношении хозяину машины была присуща известная амбивалентность: с одной стороны, родину он никогда бы не предал, а с другой – как раз в этот день ему случилось стащить у начальника отдела портфель вместе с бумажником и чековой книжкой. Портфель обнаружился рядом с ведром, и когда картина сложилась, сотрудника задержали, допросили, уволили – и осудили на шесть месяцев тюрьмы за кражу плюс еще на тридцать два года за терроризм.

– Мы прошли по лезвию бритвы, – заметила младшая, когда с сестер сняли все подозрения.

– Попробуем еще раз? – предложила средняя.

– Только придется дожидаться, пока новых собак заведут, – сказала старшая. – Старые все кончились.

Номбеко не сказала ничего. Но подумала, что ее ожидает участь немногим более завидная, чем вороватого кота, у которого как раз начались конвульсии.

Глава 4

О добром самаритянине, похитителе велосипедов и неуклонно скуривающейся супруге

Тем временем Хенриеттины денежки закончились, и всю обратную дорогу из Ниццы до Сёдертэлье во рту у Ингмара не было и маковой росинки. Однако в Мальмё чумазый и изголодавшийся младший почтовый служащий повстречал солдата Армии спасения, который после долгого дня на службе Господней возвращался в родные пенаты. Ингмар спросил, не найдется ли у него куска хлеба.

Солдат Армии спасения тотчас предал себя во власть духу любви и сострадания, причем до такой степени, что пригласил Ингмара к себе домой.

Где накормил свининой с пюре из брюквы, а после уложил в свою кровать, а сам устроился на коврике у камина. Ингмар, зевнув, сказал, что впечатлен такой любезностью. На что солдат Армии спасения отвечал, что объяснение его поступку есть в Библии, не в последнюю очередь в Евангелии от Луки, в том месте, где говорится о добром самаритянине. И спросил у гостя разрешения прочитать ему несколько строк из Святого Писания.

– Читайте на здоровье, – ответил Ингмар. – Только тихо,

а то я спать хочу.

И заснул. А утром проснулся от запаха горячих булочек.

После завтрака Ингмар поблагодарил милосердного господнего солдата, попрощался с ним и заодно увел его велосипед. Крутя педали, он задумался, не в Библии ли сказано, что нужда закона не ведает. Ингмар был в этом не то чтобы совсем уверен.

Так или иначе, но в Лунде он сбыл покражу и на вырученные деньги купил билет на поезд до дома.

Хенриетта встретила его в дверях. Не успела она и рта раскрыть, чтобы поздороваться, как он сообщил, что пора делать ребенка.

У Хенриетты возник ряд вопросов, не последний из них – отчего вдруг Ингмар полез в постель без проклятой коробки американских солдатских кондомов под мышкой, – но ей хватило ума их не задавать. Единственное ее пожелание сводилось к тому, чтобы муж сперва ополоснулся под душем – выглядел он так себе и благоухал соответственно.

Их первое незащищенное любовное свидание продлилось четыре минуты: Ингмар управился быстро. Но Хенриетта осталась довольна. Ее любимый дурачок снова был дома и перед отходом ко сну даже выбросил презервативы в помойное ведро. Что, если теперь всем причудам конец? И быть может, у них появится малыш?

Пятнадцать часов спустя Ингмар проснулся. И начал с то-

го, что рассказал, как встретил в Ницце короля. Вернее, наоборот. Как встретил его король. Тростью по лбу.

– Ничего себе! – удивилась Хенриетта.

Н-да, можно сказать и так. Впрочем, Ингмар в каком-то смысле был ему даже благодарен. Король открыл ему глаза. Помог понять, что монархия – это дьявольская выдумка, которую следует искоренить.

– Дьявольская выдумка? – переспросила изумленная супруга.

– Которую следует искоренить.

Но это потребует и терпения, и хитрости. В частности, Ингмар и Хенриетта должны произвести на свет ребенка – это один из пунктов плана. Звать его, кстати, будут Хольгером.

– Кого? – не поняла Хенриетта.

– Нашего сына, конечно.

Хенриетта, всю свою взрослую жизнь молча мечтавшая, наоборот, о маленькой Эльсе, заметила, что с тем же успехом у них может родиться и дочь, если вообще кто-то родится. На что ей было велено заканчивать с негативом. Лучше пусть даст Ингмару поесть, а он поведает ей, как отныне и присно все будет устроено.

Хенриетта послушалась. Принесла пютипанну с яичницей и маринованной свеклой.

В паузах между жеванием Ингмар сообщил подробности своего свидания с Густавом V. И в первый, но далеко не в

последний раз рассказал про «мальчика на побегушках» и «каналью». А во второй и далеко не в последний – про удар серебряным набалдашником по лбу.

– И поэтому монархию надо искоренить? – спросила Хенриетта. – Терпением и хитростью? И к чему же, по-твоему, следует приложить эти терпение с хитростью?

И подумала, хотя и не сказала вслух, что ни терпение, ни хитрость в число выдающихся талантов супруга не входят.

Ну, без терпения-то никак, потому что даже если им с Хенриеттой и удалось накануне сделать ребенка, Ингмар понимал, что пройдет много месяцев, прежде чем парень появится на свет, а потом еще годы, пока Хольгер повзрослеет и сможет сменить отца.

– В каком смысле сменить? – не поняла Хенриетта.

– В борьбе, дорогая Хенриетта. В борьбе.

Добираясь на попутках из Европы, Ингмар успел о многом подумать. Искоренить монархию будет непросто. Это может оказаться делом целой жизни. А то и не одной. Вот тут-то в игру и вступит Хольгер. Потому что, если сам Ингмар уйдет прежде, чем победит, борьбу продолжит сын.

– Почему именно Хольгер? – не поняла Хенриетта, не понимавшая, впрочем, не только это.

Ха, да пусть зовется как угодно, не в имени дело, а в борьбе. Но удобнее его хоть как-то обозначить. Поначалу Ингмар подумывал насчет Вильгельма, в честь писателя-республиканца Вильгельма Муберга, пока не выяснилось, что так зо-

вут одного из сыновей короля – принца и к тому же герцога Сёдерманландского.

Тогда он стал перебирать другие имена, начиная с буквы «А», и когда во время велопробега из Мальмё в Лунд дошел до «Х», то вспомнил солдата Армии спасения, с которым познакомился накануне. Солдата как раз звали Хольгером, и сердце у него, судя по всему, было доброе, пусть даже он и поленился накачать велосипедные колеса как следует. Зато проявил прямо-таки запредельную деликатность и щедрость, к тому же Ингмар не вспомнил ни единого аристократа с таким именем. От всех дворянских родословных книг Хольгер отстоял ровно настолько, насколько требовала ситуация.

Наконец Хенриетта уяснила себе общую картину. Отныне главный монархист Швеции решил посвятить себя тому, чтобы не оставить от королевского дома камня на камне. Он будет следовать своему призванию вплоть до смертного часа, а до тех пор позаботится о том, чтобы подготовить потомков себе на смену.

– Не потомков, – поправил Ингмар. – Потомка. По имени Хольгер.

Впрочем, потенциальному Хольгеру явно не доставало отцовского энтузиазма. Последовавшие четырнадцать лет Инг-

мару пришлось заниматься в основном двумя вещами:

1) чтением всего, что написано о бесплодии, и 2) всеобъемлющим и ненормативным поношением короля как института и как личности.

Помимо этого, не пренебрегал он и службой на самой низшей из мыслимых должностей на почте Сёдертэлье – ровно в той мере, чтобы не злить руководство и избежать увольнения.

Перечитав всю городскую библиотеку, Ингмар стал регулярно ездить в Стокгольм, в Королевскую библиотеку. То еще название, зато литературы там оказалось более чем достаточно.

Ингмар узнал все более или менее значимое касательно смещения сроков овуляции, хромосомных отклонений и нарушения сперматогенеза. А покопавшись в архивах, обогатился знаниями не столь очевидной научной ценности.

Вот почему в определенные дни он разгуливал вокруг дома, оголившись снизу до пояса – сразу по возвращении с почты (обычно за пятнадцать минут до окончания рабочего дня) и вплоть до отхода ко сну. Так он держал мошонку в прохладе, а это, он где-то прочел, повышает подвижность сперматозоидов.

– Не помешаешь суп, Ингмар, пока я белье развешу? – спрашивала, бывало, Хенриетта.

– Нет, мошонку нельзя подносить к плите, – отвечал Ингмар.

Хенриетта по-прежнему любила мужа, ведь в нем было столько жизни, но ради душевного равновесия то и дело выкуривала пару лишних «Джонов Сильверов». Плюс еще сигаретку. К которой добавилась еще одна, когда Ингмар, чтобы ей угодить, отправился в магазин за сливками. С голым телесным низом – по чистой рассеянности.

В остальном он был скорее безумен, чем рассеян. Научился, например, загодя вычислять, когда у Хенриетты настанут месячные, и в эти бесполезные дни уезжал портить жизнь главе государства. Причем не без успеха – и в большом, и в малом.

Так, в день девяностолетия короля, 16 июня 1948 года, Ингмару удалось в нужный момент растянуть над улицей Кунгсгатан и королевским кортежем тринадцатиметровый транспарант с текстом «Сдохни, старый козел!». Зрение у Густава V к тому времени основательно село, но такие буквы прочел бы и слепой. На другой день, если верить газете «Дагенс нюхетер», король потребовал «схватить виновного и привести ко мне!».

Надумал, стало быть, повидаться.

После успешной операции на Кунгсгатан Ингмар более или менее успокоился – вплоть до октября 1950 года, когда подрядил молодого и ни о чем не подозревающего тенора из Стокгольмской оперы спеть *Vue, Vue, Baby* под окном дворца Дроттнингхольм, где лежал на смертном одре

Густав V. Тенору задали трепку собравшиеся перед дворцом бдительные подданные, чего сам Ингмар, загодя заприметивший плотные кусты в дворцовом парке, счастливо избежал. Избитый тенор написал гневное письмо, требуя сверх обещанных двухсот крон еще пятьсот за причиненные страдания и моральный ущерб. Но поскольку в договоре с тенором Ингмар указал чужое имя и еще более чужой адрес, то демарш тенора привел исключительно к тому, что его претензию прочел начальник мусороперерабатывающего завода в Лёвсте, смял ее и отправил в печь № 2.

В 1955-м Ингмар последовал за новым королем, отправившимся в торжественную коронационную поездку по стране, но предпринять так ничего и не сумел. И уже начал отчаиваться и подумывал, не перейти ли взамен попыток повлиять на общественное мнение к радикальным действиям. Ведь жирная королевская задница сидела теперь на троне крепче, чем когда-либо.

– Бросил бы ты эту затею! – предложила Хенриетта.

– Ну вот, опять у тебя негатив, дорогая. А чтобы забеременеть, говорят, важен позитивный настрой. Кстати, я читал, что тебе нельзя пить ртуть, на ранней стадии беременности она вредна.

– Ртуть? – удивилась Хенриетта. – С какой стати мне пить ртуть?

– Вот и я о том! И не употребляй в пищу сою.

– Сою? А что это?

– Не знаю. Но в пищу ее не употребляй.

В 1960-м Ингмар почерпнул новую идею насчет зачатия. Правда, представляя ее Хенриетте, он немного смутился.

– Ну, если ты встанешь на голову, когда мы... это самое... тогда сперматозоидам будет проще...

– На голову?

Хенриетта поинтересовалась, не тронулся ли муж умом, однако спохватилась, что это опасение ее уже посещало. Но как бы то ни было. Попытка – не пытка. Она уступила.

Что еще удивительнее, эта нелепая поза сделала сам процесс куда приятнее, чем обычно. Любовное приключение сопровождалось радостными возгласами обеих вовлеченных сторон. Более того, когда оказалось, что Ингмар еще не спит, именно Хенриетта предложила:

– А неплохо получилось, милый! Может, еще разок попробуем?

Ингмар удивился, что еще не заснул, но, взвесив предложение, сказал:

– Черт с ним, давай!

В этот ли вечер или следующий, уже не узнать, но спустя тринадцать бесплодных лет Хенриетта наконец забеременела.

– Хольгер, мой Хольгер, ты уже на подходе! – воскликнул Ингмар, обращаясь к ее животу, как только узнал новость.

Хенриетта, достаточно знавшая о цветочках и пчелках, чтобы не исключать и Эльсы, вышла на кухню выкурить сигарету.

В последовавшие месяцы Ингмар резко активизировался. Каждый вечер он зачитывал растущему животу Хенриетты эссе Вильгельма Муберга «Почему я республиканец». Во время завтрака он делился с Хольгером свежими республиканскими соображениями, сообщая их через пупок жены. Например, досталось от него на орехи Мартину Лютеру, полагавшему, будто «мы должны бояться и любить Бога, чтобы мы не презирали и не прогневляли родителей и господ своих».

В рассуждениях Лютера имелось как минимум две нестыковки. Во-первых, насчет Бога, которого народ не выбирал. И которого невозможно свергнуть. Можно, конечно, перейти в другую веру, если хочется, да только все боги, похоже, один другого стоят.

Во-вторых, что мы не должны «прогневлять господ своих». Что это за господа такие и с чего вдруг нам нельзя их «прогневлять»?

Хенриетта редко встревала в монологи Ингмара, обращенные к ее животу, разве что прерывала их, когда на плите начинала пригорать еда.

– Подожди, я еще не все сказал, – говорил на это Ингмар.

– Но это же овсянка, – отвечала Хенриетта. – Вы с моим пупком завтра договорите, не то весь дом сгорит.

И вот срок настал. На месяц раньше положенного. Когда отошли воды, Ингмар, к счастью, как раз пришел со своей королевской, черт ее дери, почты, где под угрозой репрессий пообещал больше не пририсовывать рога Густаву VI Адольфу на каждой марке, что попадала ему в руки. Тут-то все и произошло. Хенриетта на четвереньках добралась до кровати, но Ингмар, бросившись звонить акушерке, запутался в телефонном проводе и в результате выдрал его из стены вместе с розеткой. Покуда он ругался, стоя на пороге кухни, Хенриетта произвела на свет их дитя.

– Когда доругаешься, заходи, – выдохнула она. – Только ножницы прихвати, перерезать пуповину.

Ножниц Ингмар не нашел (в кухне он вообще плохо ориентировался), зато нашел кусачки в ящичке с инструментами.

– Мальчик или девочка? – спросила мать.

Для порядка Ингмар глянул на то место, где заключался ответ на ее вопрос, и сообщил:

– Самый что ни на есть Хольгер!

И не успел поцеловать жену в губы, как она сказала:

– Ай! Кажется, сейчас будет еще один!

Новоиспеченный отец растерялся. Сперва он чуть не стал

свидетелем появления сына на свет – если бы не запутался в телефонном проводе в прихожей. А спустя несколько минут на свет появился еще один сын!

Но возможности осмыслить этот факт у Ингмара не было: Хенриетта слабым, но решительным голосом давала команду за командой – что следует делать, чтобы избежать опасностей, угрожающих как матери, так и детям.

Наконец все закончилось – вполне благополучно, не считая того факта, что Ингмар сидел теперь с двумя сыновьями на коленях, хотя до сих пор не сомневался, что их будет только один. Зря они в тот вечер это повторили: теперь все сильно осложнялось.

Хенриетта, попросив мужа не говорить ерунды, посмотрела на своих сыновей, сперва на одного, потом на другого. И сказала:

– Мне кажется, Хольгер – это тот, что слева.

– Угу, – пробормотал Ингмар. – Или тот, что справа.

Вопрос можно было бы решить логически, признав истинным Хольгером того, кто явился на свет первым, но за суетой с плацентой и всем прочим Ингмар забыл, который из них первый, а который второй, и теперь совершенно запутался.

– Проклятье! – воскликнул он и тотчас был одернут супругой.

Если у тебя родилось слишком много сыновей, это не значит, что первое услышанное ими слово должно быть бранным.

Ингмар умолк. Еще раз обдумал ситуацию. И принял решение.

– Хольгер – этот, – произнес он, указав на того младенца, что был справа.

– Ладно, – сказала Хенриетта. – А другой?

– И этот тоже.

– Хольгер и Хольгер? – переспросила Хенриетта, и ей страшно захотелось курить. – Ты уверен, Ингмар?

Тот подтвердил, что да.

Часть вторая

Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак.

Мадам де Сталь

Глава 5

Об анонимном письме, мире на земле и голодном скорпионе

Прислуге за все при инженере Вестхёйзене оставалось уповать на то, что рано или поздно ей на выручку придут какие-нибудь социальные перемены мирового масштаба. Хотя она с трудом представляла себе обстоятельства, в которых у нее могут появиться шансы на будущее, каким бы оно ни было.

Книги в библиотеке исследовательского центра позволяли, конечно, кое-что понять, но в большинстве своем они были десятилетней давности, а то и старше. В числе прочих Номбеко пролистала сочинение 1924 года выпуска, где один лондонский профессор на двухстах страницах убедительно доказывал сам себе, что новой войны не будет – ввиду сочетания таких факторов, как образование Лиги Наций и широкое распространение джаза.

Проще было следить за тем, что происходит внутри периметров и стен самого центра. Увы, согласно последним отчетам, грамотные коллеги инженера решили автокаталитическую проблему наряду со многими другими и теперь были готовы провести испытания. В случае успеха каковых проект оказался бы – на взгляд Номбеко, которой хотелось пожить

еще, – чересчур близок к своему осуществлению.

Единственное, что ей оставалось, – попытаться хоть немножко притормозить процесс. Но так, чтобы не дать Претории основания заподозрить, что Вестхёйзен и правда бездарь. Пожалуй, приостановки недавно начатого бурения шахты в пустыне Калахари будет пока достаточно.

Несмотря на инцидент с этиленгликолем Номбеко решила снова попросить сестреночек-китайнок о помощи. Нельзя ли через них отправить письмо – в смысле, через их маму? Как, кстати, все это устроено? Неужели исходящую почту вообще не проверяют?

Как же – проверяют, конечно. Есть один белый в охране, который только тем и занимается, что досматривает всю почту, кроме той, что адресована получателям, имеющим специальный допуск. При малейшем подозрении отправление вскрывается. А отправителя отправляют на допрос.

Это явилось бы непреодолимым препятствием, кабы не инструктаж, устроенный годы назад начальником службы безопасности для ответственных за почту. Объяснив китайкам во всех деталях, как устроена система, и добавив, что строгие меры необходимы, поскольку доверять нельзя никому, он извинился и вышел в туалет, после чего сестрички делом подтвердили его правоту. Едва оставшись одни, они подкрались к его столу, вставили соответствующий листок в пишущую машинку и добавили в имеющийся список из сорока четырех лиц, имеющих специальный допуск, еще одно

имя.

– Вашей мамочки, – догадалась Номбеко.

Сестры закивали и заулыбались. Из соображений безопасности пришлось присвоить маме ученое звание. «Чэн Лянь» звучит подозрительно. А *профессор* Чэн Лянь внушает доверие. Логика у расизма вообще не то чтобы затейливая.

Номбеко подумала, что на китайское имя могут болезненно среагировать независимо от ученой степени, но у сестренки, похоже, был дар – рисковать и всякий раз выходить сухими из воды (не считая того единственного, когда они оказались под замком – в точности как Номбеко). А коль скоро трюк срабатывал столько лет, так сработает и еще разок. Так что, можно послать профессору Чэн Лянь письмо в письме, чтобы мама переслала его дальше?

– А то, – отвечали сестры, не выказав ни малейшего любопытства, с кем это Номбеко собралась переписываться.

*Президенту Джеймсу Эрлу Картеру-младшему,
Белый дом, Вашингтон*

Здравствуйте, господин президент. Вас, возможно, заинтересует тот факт, что в ближайшие три месяца ЮАР под руководством одного не выходящего из запоя осла намерена взорвать один экземпляр атомной бомбы мощностью примерно в три мегатонны. Это произойдет в пустыне Калахари в начале 1978 года в точке, определяемой координатами $26^{\circ}44'26''S$, $22^{\circ}11'32''E$. В дальнейшем предполагается, что ЮАР

произведет еще пять аналогичных боеприпасов, чтобы применять их по собственному усмотрению.

*С наилучшими пожеланиями,
Друг*

Надев резиновые перчатки, Номбеко заклеила конверт, написала на нем имя и адрес и вывела в уголке «Смерть Америке!». После чего вложила его в другой конверт, и тот уже на следующий день ушел на адрес йоханнесбургского профессора, имеющего специальный допуск и откровенно китайское имя.

Вашингтонский Белый дом когда-то строили черные рабы, вывезенные с родного континента Номбеко. Здание изначально выглядело величественно, а уж сто семьдесят семь лет спустя – и подавно. В доме имелось сто тридцать два кабинета, тридцать пять туалетов, шесть этажей, один зал для боулинга и один кинозал. И огромное количество сотрудников, которые в общей сложности принимали больше тридцати трех тысяч почтовых отправлений в месяц.

Последние, прежде чем отправиться к соответствующему адресату, просвечивались рентгеном, обнюхивались чуткими носами специально обученных собак и подвергались визуальному осмотру.

Письмо от Номбеко благополучно миновало рентген и

собак, но когда сонный, но бдительный проверяющий увидел надпись «Смерть Америке!» на конверте, адресованном лично президенту, то, конечно, забил тревогу. Двенадцать часов спустя письмо было доставлено самолетом в Лэнгли, штат Вирджиния, и предъявлено директору ЦРУ Стэнсфилду М. Тёрнеру. Агент отчитался о внешнем виде конверта; о том, что отпечатки, судя по их немногочисленности и характерному расположению, вряд ли могут принадлежать кому-либо, кроме почтовых служащих; что ионизирующее излучение отсутствует; что штемпель на конверте выглядит подлинным, а само письмо отправлено из девятой почтовой зоны Йоханнесбурга, ЮАР, восемь дней тому назад, а также о том, что машинная обработка текста позволила установить: он составлен из слов, вырезанных из книги «Мир на земле», которую написал тот самый британский профессор, что первым выдвинул тезис, будто Лига Наций и джаз, вместе взятые, принесут миру счастье, – а затем, в 1939 году, покончил с собой.

– Джаз должен был принести на землю мир? – вырвалось у директора ЦРУ.

– Напомню, сэр, – отвечал агент, – что профессор покончил с собой.

Глава ЦРУ, поблагодарив агента, уединился с письмом. А по прошествии двадцати минут и после трех телефонных звонков убедился, что содержание послания полностью сов-

падает со сведениями, которые он три недели назад получил, стыдно сказать, от советской стороны и которым не поверил. Единственным отличием были указанные в анонимном письме точные координаты. В целом информация выглядела в высшей степени достоверно. Главу ЦРУ теперь занимали две основные мысли:

- 1) Кто, черт возьми, прислал это письмо?
- 2) Пора выходить на президента. Письмо как-никак адресовано ему.

Стэнсфилд М. Тёрнер не был популярен у себя в ЦРУ, поскольку стремился заменить как можно больше сотрудников электронно-вычислительными машинами. И как раз одной из них, а вовсе не человеку, удалось определить, что слова были вырезаны из «Мира на земле».

– Джаз должен был принести на землю мир? – спросил президент Картер своего однокашника Тёрнера, с которым встретился на другой день в Овальном кабинете.

– Несколькими годами позже профессор покончил с собой, господин президент, – ответил директор ЦРУ.

Но президент Картер любил джаз, и мысль его не отпускала. Что, если несчастный профессор, по сути, был прав? А теперь из-за «Битлз» и *Rolling Stones* все пошло прахом?

Директор ЦРУ заметил, что битлам можно многое вменить в вину, но войну во Вьетнаме начали точно не они. Да и сама теория представляется ему сомнительной: ведь если

бы мир на земле не уничтожили «Битлз» и *Rolling Stones*, это сделали бы *Sex Pistols*.

– *Sex Pistols*? – удивился президент.

– *God save the Queen, she ain't no human being*¹, – напел директор ЦРУ.

– Тогда понятно, – сказал президент.

А теперь по существу. Что, эти идиоты в ЮАР правда собираются взорвать атомную бомбу? А руководит всем этим осел?

– Насчет осла не знаю, сэр. У нас есть данные, что разработки курирует некий инженер Вестхейзен, в свое время окончивший один из лучших южноафриканских университетов с наивысшими баллами. Наверняка прошедший специальный отбор.

Но многое указывало на то, что в остальном информация верна. Ведь КГБ уже любезно поделилось своей наводкой. А теперь пришло это послание, написанное так, что за ним – директор ЦРУ ручается головой – никакое КГБ и близко не стоит. Плюс спутники зафиксировали активность именно в той точке пустыни, на которую указал отправитель.

– Но зачем эта «Смерть Америке!» на конверте? – спросил президент Картер.

¹ «Боже, храни королеву, она не человек» (*англ.*) – строчка из одной из наиболее скандально известных композиций британской панк-группы *Sex Pistols*. – *Здесь и далее – прим. пер.*

– В результате письмо попало непосредственно ко мне на стол, что, как я полагаю, и было целью. Отправитель, похоже, хорошо информирован о том, как устроена система президентской охраны. Что не может не вызывать к нему дополнительного интереса. В любом случае придумано остроумно!

Президент хмыкнул. Ничего остроумного во фразе «Смерть Америке!» он не видел. Как и в утверждении, будто Елизавета II не принадлежит к роду человеческому.

Но он поблагодарил старого друга и попросил секретаря соединить его с премьер-министром Форстером в Претории. Как-никак, президент Картер нес прямую ответственность за тридцать две тысячи ядерных боеголовок, нацеленных во все стороны. Да и Брежнев у себя в Москве отвечал примерно за столько же. Чего-чего, а шесть лишних боеприпасов с такими же параметрами планете совершенно ни к чему. Так что кое-кто у него сейчас хорошенько попляшет!

Форстер был в бешенстве. Американский президент, этот арахисовый плантатор и баптист, имеет наглость звонить ему и утверждать, будто в пустыне Калахари идет подготовка к ядерным испытаниям. Да еще и отбарабанить точные координаты испытательного полигона. Совершенно беспочвенное обвинение, к тому же немислимо оскорбительное! Форстер гневно бросил трубку, но пойти на большее здравый

смысл ему не позволил. Взамен премьер позвонил в Пелиндабу и приказал Вестхёйзену провести испытания где-нибудь еще.

– А где? – спросил инженер Вестхёйзен, пока прислуга за все шваркала шваброй у его ног.

– Где угодно, только не в Калахари, – ответил премьер-министр Форстер.

– Тогда все затянется на многие месяцы, а то и на год, если не больше, – сказал инженер.

– Делайте, что вам говорят, черт вас подери.

На раздумья, где именно проводить испытания, если в пустыне Калахари больше нельзя, прислуга за все предоставила инженеру целых два года. Идеи лучше, чем запалить эту хрень к чертям собачьим в одном из бантустанов, у него не было, но выглядела она как-то не особо.

Номбеко поняла, что акции инженера падают и вот-вот пробьют очередное дно, а значит, наступал момент снова сыграть на повышение. И тут внешние обстоятельства сложились таким удачным образом, что инженер, а значит, и его прислуга за все, получили полгода отсрочки.

Оказалось, премьер-министру Форстеру надоело слушать в собственной стране и в собственный адрес неблагодарное нытье по любому поводу. И он – не без некоторого содей-

ствия – увел из национального бюджета семьдесят пять миллионов рандов и запустил на них газету «Ситизен», сиречь «Гражданин». Гражданин этот, в отличие от прочих граждан страны, однозначно поддерживал как южноафриканское правительство, так и его способность приструнить что аборигенов, что внешний мир.

На беду, другой гражданин, исключительный национальный предатель, довел данный факт до всеобщего сведения. Примерно тогда же гребаная мировая общественность назвала успешную военную операцию в Анголе массовым убийством шестисот гражданских лиц, и для Форстера это стало сигналом на выход.

– Нет уж, на фиг, – решил он и в 1979 году ушел наконец из большой политики.

Ему ничего не оставалось, как уехать в Капстад и усесться со стаканом чего покрепче на террасе роскошной виллы с видом на Роббан-Айленд, где сидел террорист Мандела.

Это ведь Мандела гниет заживо, а не я, утешал себя Форстер, гния заживо.

Преемник Форстера на посту премьер-министра, П. В. Бота, имел прозвище *Die Groot Krokodil* – Большой Крокодил – и в первом же телефонном разговоре нагнал страху на главу научного центра Пелиндаба. Номбеко поняла, что испытания больше ждать не могут. И как-то под вечер обратилась к инженеру, пока тот еще был в состоянии разговаривать.

– Видите ли, инженер... – сказала она, потянувшись за пепельницей на его столе.

– Ну, чего тебе? – сказал инженер.

– Да я тут подумала... – начала Номбеко, и ее никто не перебил. – Я просто подумала, что раз в ЮАР везде, кроме пустыни Калахари, такая теснота, то почему бы не взорвать заряд в море?

ЮАР окружена разными морями с трех сторон. Номбеко с самого начала казалось, что раз испытания нельзя проводить в пустыне, то альтернатива очевидна и малому ребенку. Малый ребенок Вестхейзен просиял. На мгновение. В следующее он вспомнил, что контрразведка предостерегала его от контактов с военным флотом. Тщательное расследование, проведенное после того, как президента США Картера, очевидно, проинформировали о планах испытаний в Калахари, указывало на вице-адмирала Йохана Карла Уолтерса как главного подозреваемого. Адмирал Уолтерс посещал Пелиндабу, где ознакомился с проектом, всего за три недели до звонка Картера, а также просидел один в кабинете инженера Вестхейзена не меньше семи минут – в то утро, когда инженер опоздал по причине пробок на дорогах (так инженер объяснил на дознании свою задержку в баре, где, как обычно, принимал на грудь завтрак). Основная версия гласила, что Уолтерс разозлился и пожаловался Штатам, когда понял, что не получит ядерных боеголовок для своих подлодок.

– Не доверяю я ВМФ, – признался инженер своей уборщице.

– Тогда обратитесь к нашим израильтянам, – ответила Номбеко.

И тут зазвонил телефон.

– Да, господин премьер-министр... разумеется, я осознаю значение... да, господин премьер-министр... нет, господин премьер-министр... вот тут я на самом деле не вполне согласен, прошу прощения у господина премьер-министра. В данный момент у меня на столе лежит подробный план проведения совместных с Израилем испытаний в Индийском океане. В течение трех месяцев, господин премьер-министр. Спасибо, господин премьер-министр, вы очень любезны. Спасибо еще раз. Да, всего доброго.

Инженер Вестхёйзен положил трубку, залпом выпил только что налитый стакан коньяку и скомандовал Номбеко:

– Чего стоишь? Веди сюда обоих!

Испытания с большой долей вероятности были проведены при участии Израиля. Инженер Вестхёйзен мысленно поблагодарил бывшего премьер-министра, в прошлом нациста Форстера за гениальную идею наладить сотрудничество с Иерусалимом: на войне, в любви и в политике все средства хороши. Израильскую сторону представляли два надменных агента МОССАД. Инженеру, увы, приходилось сталкиваться с ними чаще, чем это было необходимо, и он так и не

выучился терпеть эту высокомерную улыбку, означавшую: «Это каким надо быть болваном, чтобы купить гуся из едва засохшей глины, решив, будто ему таки две тысячи лет».

Как только предполагаемый предатель вице-адмирал Уолтерс оказался выведен из игры, сдала позиции и Америка. Ха! Взрыв, разумеется, зарегистрировал штатовский спутник «Вела», но поезд уже ушел.

Новый премьер-министр П. В. Бота так обрадовался результатам испытаний, что заявился в исследовательский центр с тремя бутылками игристого вина из Констанции². И даже устроил благодарственную вечеринку в кабинете инженера Вестхёйзена – вместе с инженером, двумя израильскими агентами МОССАД и местной черномазой, которая подавала на стол. Премьер-министр Бота никогда бы не назвал черномазую черномазой – это ему запрещал статус. Но думать-то не запрещал!

Так или иначе, она подавала что положено, а в остальном сливалась с белыми обоями настолько, насколько это было возможно.

– За вас, инженер, – сказал премьер-министр Бота и поднял бокал. – За вас!

Инженер ван дер Вестхёйзен, приятно смущенный ролью героя дня, тихонько попросил *как-ее-там* добавки в свой бокал, пока премьер-министр вел любезную беседу с агентами МОССАД.

² Винодельческое имение в пригороде Кейптауна.

Но вдруг атмосфера, поначалу довольно теплая, кардинально переменялась. Произошло это, когда премьер-министр вновь повернулся к Вестхёйзену и спросил:

– А кстати, что вы думаете, инженер, насчет проблемы трития?

Прошлое премьер-министра П. В. Боты отличалось от предыстории его предшественника не то чтобы кардинально. Правда, новый лидер страны оказался, видимо, умнее, судя по тому, что он отверг нацизм, увидев, чем тот кончил, и свои убеждения именовал «христианским национализмом». В результате он избежал интернирования, когда инициативу в войне перехватили союзники, и смог начать политическую карьеру без отсрочки.

Бота и его реформистская церковь знали, что истина содержится в Библии, если читать умеючи. Ведь уже Первая Книга Бытия рассказывает о Вавилонской башне – попытке человека добраться до небес. Бог усмотрел в этом гордыню, разгневался, рассеял человечество по лицу земли и покарал его смешением языков.

Разные народы – разные языки. И жить им надо порознь, на то воля Господня. Так что идея сегрегировать людей по цвету кожи спущена, считай, с самого верха.

Большой Крокодил знал, что и его личная карьера тво-

рится не без Божьей помощи. Только что он был министром обороны в правительстве предшественника Форстера. На этом посту он руководил воздушным налетом на засевших в Анголе террористов, который идиоты из остального мира назвали убийством ни в чем не повинных людей. «У нас есть фотосвидетельства», – уверяли идиоты. «Важно не то, что вы видите, а то, чего не видите», – заявил Крокодил, но убедить сумел только свою маменьку.

Проблема инженера Вестхёйзена заключалась в том, что отец П. В. Боты командовал отрядом во время Второй англо-бурской войны, так что у самого Боты военная стратегия и тактика были, что называется, в крови. К тому же он неплохо разбирался в технической стороне проекта, порученного Вестхёйзену в рамках ядерной программы. Хотя и не имел оснований подозревать инженера в том, что тот попросту морочит всем голову. Так что вопрос премьера объяснялся исключительно вежливым любопытством.

Десять секунд инженер Вестхёйзен молчал. Ситуация становилась щекотливой для него – и смертельно опасной для Номбеко, которая поняла, что если инженер не ответит немедленно на простейший вопрос, то ему крышка. А следом и ей самой. И хоть Номбеко уже обрыдло каждый раз выручать своего хозяина, она достала из кармана неброский

резервный пузырек коричневого стекла с «Клипдрифтом» внутри и, шагнув к инженеру, сказала, что, судя по всему, у инженера опять начинается приступ астмы.

– Вот, сделайте глоток побольше. К вам сразу вернется дар речи, и вы сможете объяснить господину премьер-министру, что короткий период полураспада трития – не проблема, поскольку к взрывному действию ядерного заряда он отношения не имеет.

Едва инженер опорожнил аптечный пузырек, как почувствовал себя лучше. А премьер-министр Бота вытаращился на прислугу.

– *Вы* разбираетесь в проблеме трития? – проговорил он.

– Нет, ну что вы, – рассмеялась Номбеко. – Просто я тут каждый день прибираю, а инженер только и знает, что бормотать свои формулы и всякое такое себе под нос. Так что какие-то вещи засели даже в моей глупой голове. Не желает ли господин премьер-министр добавки?

Премьер-министр Бота принял бокал игристого и долгим взглядом проводил прислугу за все, пока она возвращалась к обоям. Тут инженер кашлянул и извинился – за приступ астмы и за наглость прислуги, позволившей себе открыть рот.

– Дело в том, что период полураспада не оказывает влияния на взрывное действие заряда, – сказал инженер.

– Да-да, я только что услышал это от вашей горничной, – ядовито заметил премьер.

Больше трудных вопросов Бота не задавал и благодаря усилиям Номбеко, то и дело подливавшей ему игристого, снова пришел в хорошее расположение духа. Инженера Вестхёйзена миновала и эта гроза. А вместе с ним и его уборщицу.

Едва удалось сделать первую бомбу, как для дальнейшего производства были сформированы две независимые высококвалифицированные рабочие группы, каждая из которых собирала бомбу в параллельном режиме, используя первую как образец. Обе команды получили инструкцию составить как можно более точный отчет о проделанной работе. Он позволит сравнить производственные циклы бомбы номер два и бомбы номер три – сперва между собой, а потом с бомбой номер один. Сопоставлять их предстояло лично инженеру и более никому (кроме прислуги за все, которая была не в счет).

Если бомбы получатся одинаковые, значит, их сделали правильно. Две независимые рабочие группы такого уровня вряд ли сделают одни и те же ошибки. Вероятность этого составила бы 0,0054 процента, если верить *этой-как-ее-там*.

Номбеко по-прежнему искала хоть что-то, что дало бы ей надежду. Три сестрички-китаянки кое-что, конечно, знали –

что египетские пирамиды находятся в Египте, как травить собак и чего остерегаться, когда крадешь кошелек из внутреннего кармана пиджака. Но не более того.

Инженер часто ворчал по поводу событий в ЮАР и за ее пределами, но этот источник требовал фильтрации и интерпретации: по мнению инженера, все политики в мире были либо идиоты, либо коммунисты, а все их решения – либо идиотскими, либо коммунистическими. Причем коммунистические решения оказывались идиотскими по определению.

Когда американцы выбрали президентом бывшего голливудского актера, инженер осудил не только избранного президента, но и весь его народ. Зато звание коммуниста Рональд Рейган счастливо избежал. Взамен инженер ополчился на предположительную сексуальную ориентацию американского президента, исходя из того, что мужчины, чьи взгляды на что бы то ни было расходились с собственными воззрениями инженера, заведомо были пидоры.

В общем, как источники информации ни китайки, ни инженер, при всем уважении, не выдерживали сравнения с телевизором в приемной возле инженерского кабинета. Номбеко тайком включала его и слушала новости и дискуссионные программы, пока для вида драила полы. Поэтому ближайший коридор намного превосходил чистотой любой другой во всем исследовательском центре.

– Опять ты тут со своей шваброй? – как-то накинулся на

нее инженер, заявившийся на работу в половине одиннадцатого утра – как минимум на четверть часа раньше, чем рассчитывала Номбеко. – И кто включил телевизор?

Все это могло бы плохо кончиться в смысле перекрытия информационных ресурсов, не зная Номбеко своего инженера как облупленного. Вместо ответа на вопрос она сменила тему:

– Я, когда прибиралась, увидела у вас на столе полупустую бутылку «Клипдрифта». Он небось уже испортился, надо бы вылить. Но решила сперва все-таки вас спросить.

– Вылить? С ума сошла? – воскликнул инженер и ринулся в кабинет – убедиться, что ни одна из живительных капель не пропала. И торопливо, пока *эта-как-ее-там* чего не надумала, перелил их из бутылки в собственный организм. А в следующий миг забыл и про телевизор, и про полы, и про прислугу за все.

И вот однажды он появился.

Шанс.

Если сделать все правильно, да еще и позаимствовать у инженера немножко везения, то скоро она станет свободной. Свободной, хотя и в розыске – но тем не менее. Шанс этот родился – неведомо для Номбеко – на другой стороне земного шара.

У Дэн Сяопина, фактического лидера Китая, талант обставлять конкурентов проявился рано – еще до смерти впавшего в маразм Мао Цзэдуна. Особенно сильное впечатление в этом смысле на всех произвел слух, будто Дэн не разрешил лечить от рака Чжоу Эньлая, правую руку Мао. Если онкологического больного не лечить, ничем хорошим это, как правило, не кончается. Как бы то ни было, Чжоу Эньлай умер – через двадцать лет после неудачной попытки ЦРУ его взорвать.

Тут в игру собралась вступить «банда четырех» во главе с последней женой Мао. Но прежде чем старикан испустил последний вздох, четверку схватили и посадили под замок, а Дэн тут же забыл, куда подевал ключ.

Что касается внешней политики, то его отчаянно бесил этот старый пень Брежнев в Москве. Вслед за которым пришел старый пень Андропов. Которого сменил Черненко – самый старый пень из всех троих. К счастью, не успел Черненко приступить к делам, как удалился от них навеки. Говорили, это Рональд Рейган в США напугал его до смерти своими «Звездными войнами». Теперь к власти пришел какой-то Горбачев, и... Эх, не старые пни, так молокососы! А новичкам вечно надо самоутвердиться!

Среди прочего вызывали тревогу позиции Китая в Африке. Уже не одно десятилетие Советы норовили влезть в каждое национально-освободительное движение. Наглядный пример – нынешнее вмешательство в Анголе. Русские

отправляют МПЛА оружие в обмен на правильную политическую ориентацию. *Просоветскую*, само собой. Тысяча чертей!

Советы склоняли Анголу и другие страны Южной Африки совсем не в ту сторону, куда хотелось бы Штатам и ЮАР. А что прикажете в этой неразберихе делать Китаю? Идти в кильватере кремлевских ревизионистов? Или действовать рука об руку с американскими империалистами и режимом апартеида Претории?

Еще одна тысяча чертей!

Можно, конечно, не занимать никакой позиции вообще и признать, как выражаются проклятые американцы, техническое поражение. Если бы не предположительные контакты ЮАР с Тайванем.

Ни для кого не секрет, что США предотвратили испытания ядерного оружия в пустыне Калахари. Так что чем занимается ЮАР, каждому примерно ясно. Если понимать под «каждым» мировые разведки, достойные так именоваться.

А тут еще на стол Дэну, вдобавок к сводкам из Калахари, легли донесения о том, что Южная Африка сговаривается насчет этого самого оружия с Тайбэем. Тайвань может получить ядерные ракеты и нацелить их на материковый Китай, а это категорически неприемлемо. Если такое случится, Южно-Китайское море станет ареной гонки вооружений и конца ей не будет. А рядышком, между прочим, американский Тихоокеанский флот.

В общем, не миновать разбираться с проклятым режимом апартеида. Правда, глава китайской разведки рекомендовал вообще ничего не делать и позволить режиму умереть своей смертью. Впрочем, после этого совета возглавлять разведку глава перестал: легче ли станет Китаю, если Тайвань начнет вести дела с государством в состоянии свободного падения? О чем бывшему главе разведки и предстояло поразмыслить на новой должности – исполняющего обязанности дежурного по станции в пекинском метро.

Так что разбираться придется. Так или иначе.

Отправиться туда лично Дэн не мог из опасения попасть в кадр вместе со старым нацистом Ботой (притом что доля соблазна в этом была – загнивающий Запад в умеренных дозах имеет свой шарм). Не мог он и послать туда кого-нибудь из ближайшего окружения. Ни у кого не должно сложиться впечатления, будто Пекин и Претория теперь на дружеской ноге.

С другой стороны, бессмысленно отправлять туда порученца с папочкой, но без наблюдательности и нюха. К тому же получить у Боты аудиенцию способен лишь персонаж с определенным аппаратным весом.

Итак: нужен человек, который все сделает как надо, не слишком близкий к Постоянному Комитету Политбюро ЦК КПК, но при этом выглядящий как прямой представитель Пекина. Решение Дэн Сяопин нашел в лице молодого парт-

секретаря из провинции Гуйчжоу. Народностей в этой провинции обитает больше, чем народу, но молодой функционер сумел заставить уживаться друг с другом такие склочные этнические меньшинства, как *яо, мяо, и, цян, дун, чжуан, буи, бай, туцзя, гэлао* и *шуйцы*.

Тот, кто способен жонглировать этими одиннадцатью мячиками, разберется и с экс-нацистом Ботой, решил Дэн – и распорядился отправить парня в Преторию.

Задание: между строк дать понять ЮАР, что ядерное сотрудничество с Тайванем неприемлемо, а также довести до сведения южноафриканцев, на кого они нарвутся, если все-таки продолжат нарываться.

П. В. Бота отнюдь не горел желанием принимать главу какой-то китайской провинции, – это было ниже его достоинства. Которого у него как раз прибавилось: он только-только сменил премьерский титул на президентский. Как это будет выглядеть, если он, президент, станет принимать какого-то китайца? Начни он принимать их всех, по несколько секунд на каждого, мероприятие займет тринадцать тысяч лет. Прожить столько Бота не рассчитывал. Он и так уже чувствовал себя не ахти, хоть и в новом звании.

В то же время он понимал тактику Пекина – засылать с поручениями мелкую сошку. Пекин опасался обвинений в

поддержке правительства Претории. Кстати, в данном случае верно и обратное.

Оставался вопрос, что им нужно. Может, что-то насчет Тайваня? В таком случае это пустой номер: сотрудничество с тайваньцами и так прекратилось, не дав ровным счетом ничего.

Ладно, так и быть, Бота поговорит с этим порученцем.

– Я ведь любопытен, как ребенок, – сказал он сам себе и улыбнулся, хотя улыбаться, по сути, было нечему.

Чтобы сгладить грубейшее нарушение этикета – что президент принимает мальчика на побегушках, – Бота решил понизить уровень встречи до ранга китайского посланца, а самому зарулить на нее как бы нечаянно. А, и вы здесь? У вас тут не занято? Как-то так.

С этой целью Бота позвонил руководителю суперсекретной ядерной программы и распорядился принять китайского гостя. Пусть инженер и гость вместе отправятся на сафари, а вечером угостятся отменным ужином. За ужином инженер даст китайцу понять, что с южноафриканским военно-инженерным искусством следует считаться, но ядерных козырей не покажет.

Это было важно. Требовалось продемонстрировать силу, но напрямую ничего не говорить. Вот тут-то невзначай и возникнет президент Бота, а поскольку без пищи люди не живут, то он и составит им с китайцем компанию за столом.

– Если, конечно, инженер Вестхёйзен не против.

В инженерской голове все помутилось. То есть ему придется принимать гостя, с которым президент не желает встречаться? И болтать о том о сем, но ни о чем, пока их беседу не прервет не желающий встречаться с гостем президент, который явится, чтобы с ним встретиться?

Инженер сообразил, что его собираются выставить идиотом. В остальном же понял только то, что ему следует немедленно пригласить президента на ужин, устроить который тот только что распорядился.

– Разумеется, господин президент будет желанным гостем на ужине! – сказал инженер Вестхёйзен. – Кто же, как не вы? Кстати, когда он состоится? И где?

И теперь то, что было головной болью для Дэн Сяопина в Пекине, стало головной болью для инженера Вестхёйзена в ядерном центре Пелиндаба. О руководимом им проекте он не знал примерно ничего. Легко ли сидеть за непринужденной беседой, изображая гения, когда ты в некотором роде совсем наоборот? Как вариант, можно прихватить с собой *эту-как-ее-там* в качестве прислуги за все – и носильщицы. Пусть незаметно подсказывает что-нибудь умное на тему проекта, но не слишком много. И не слишком мало.

В таких вещах *эта-как-ее-там* отлично соображает.

Как и во всех остальных, за которые эта паршивка берет-ся.

Уборщицу досконально проинструктировали в связи с предстоящим китайским сафари и последующим ужином, к которому присоединится лично президент. На всякий случай Номбеко сама дополнительно проинструктировала инженера.

В общем, она все время будет под рукой. Чтобы по ходу беседы при каждом удобном случае шептать ему на ухо всякие умные вещи. А в остальном помалкивать и вести себя как пустое место, каковым она, по сути, и является.

Девять лет назад Номбеко приговорили к семи годам работы на инженера. Срок давно вышел, но она предпочитала об этом не напоминать, потому что решила для себя: лучше жить под замком, чем умереть на воле.

И вот теперь она окажется за двойным контуром и минным полем, в километрах от охранников и их новых овчарок. Если ей удастся ускользнуть из-под надзора, она превратится в одну из самых разыскиваемых персон во всей ЮАР. Полиция, служба безопасности и военные примутся искать ее повсюду. Кроме разве что Национальной библиотеки в Претории. Куда ей в первую очередь и надо.

Если, конечно, удастся ускользнуть.

Инженеру хватило любезности проинформировать *эту-как-ее-там*, что у водителя, он же сафари-гид, при себе имеется винтовка, а также приказ стрелять не только по нападающим львам, но и по удирающим уборщицам, буде он таких заметит. Из соображений безопасности сам инженер намерен иметь при себе пистолет в кобуре. «Глок-17», 9 x 19 мм, с семнадцатью патронами в магазине. Слона из такого не завалишь, носорога тоже, а пятидесятипятикилограммовую прислугу за все – запросто.

– Пятидесяти трех, с вашего позволения, – поправила Номбеко.

Она прикинула, не выдвинуть ли при удобном случае ящик в кабинете инженера, в котором тот хранит пистолет, и не вынуть ли из магазина все семнадцать патронов, но решила воздержаться. Если этот алкаш их хватится, ее побег завершится, не успев начаться.

Так что Номбеко пока решила особой прыти не проявлять, а дожидаться подходящего момента, а уж тогда дернуть в буш со всей возможной скоростью. Такой, чтобы ей в спину не попали ни шофер, ни инженер. И чтобы не нарваться ни на кого из тех животных, на которых сафари и затевалось.

А когда такой момент может наступить? Не в первой половине дня, когда шофер еще начеку, а инженер трезв до такой степени, что способен выстрелить не только себе в ногу. Лучше сразу после охоты, перед самым ужином, когда Вестхёйзен успеет поддать и занервничать перед встречей с

президентом. А шофер вырубится, измученный часами сафари-гидства.

Да, именно так. Остается поймать этот момент и не упустить его.

Сафари должно было вот-вот начаться. У китайского гостя имелся собственный переводчик. Но все пошло наперекосяк после того, как тот отошел в высокую траву отлить. И – верх глупости – в сандалиях на босу ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.